

МИРОВОЙ СУДЬЯ

О необходимости прекращения
уголовного преследования в досудебном производстве

Мировая юстиция и искусственный интеллект

Имущество как предмет преступления
в России и зарубежных странах

Отбор кандидатов на должности судей:
опыт Аргентины

юрист
издательская группа

№ 4
2021

МИРОВОЙ СУДЬЯ

№ 4
2021

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Рег. ПИ № ФС77-29335 от 24 августа 2007 г. Выходит ежемесячно. Издается с 2003 г.

Учредитель журнала — Издательская группа «Юрист»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Дорошков Владимир Васильевич, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, секретарь Пленума, судья Верховного Суда РФ (в отставке), заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Апостолова Наталья Николаевна, профессор кафедры процессуального права Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, доцент

Воскобитова Лидия Алексеевна, заведующая кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Головкин Леонид Витальевич, заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

Каплина Оксана Владимировна, заведующая кафедрой уголовного процесса Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого (г. Харьков, Украина), доктор юридических наук, профессор

Лазарева Валентина Александровна, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики национального исследовательского университета имени С.П. Королева, доктор юридических наук, профессор

Павликов Сергей Герасимович, руководитель Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор

Патов Николай Александрович, проректор Московского психолого-социального университета (МПСУ), доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, академик Российской академии образования

Попов Иван Алексеевич, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра № 5 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, заслуженный юрист РФ, почетный сотрудник Министерства внутренних дел РФ, доктор юридических наук, профессор

Примаков Татьяна Клавдиевна, заведующая кафедрой уголовного права и процесса Балтийского федерального университета имени И. Канта, доктор юридических наук, профессор

Сачков Андрей Николаевич, судья Ростовского областного суда, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского филиала «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Колоколов Никита Александрович, судья Верховного Суда РФ (в отставке), доктор юридических наук, профессор

Главный редактор Издательской группы «Юрист»:
Гриб В.В., заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования

Заместители главного редактора Издательской группы «Юрист»:
Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н., Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Редакция: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

Научное редактирование и корректура: Швечкова О.А., к.ю.н.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Телефон редакции: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки: (495) 617-18-88 (многоканальный).

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Подписка по России: «Объединенный каталог. Пресса России» — инд. 15093, «Почта России» — П11700, а также на сайте: www.lawinfo.ru

Содержание

Уголовное судопроизводство

Дорошков В.В. Нужна ли ликвидация частного обвинения? 3

Каминский Э.С. О необходимости прекращения уголовного преследования в досудебном производстве 12

Малина М.А. Мировая юстиция и искусственный интеллект 17

Международный опыт

Шестаков В.А., Тимофеева В.В. Имущество как предмет преступления в России и зарубежных странах 22

Соловьев А.А., Шейфетдинова Н.А. Отбор кандидатов на должности судей: опыт Аргентины 29

Судоустройство

Ендольцева А.В., Ендольцева Ю.В., Тутынин И.Б. Полномочия ФССП нуждаются в корректировке 34

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Использование материалов в других изданиях допускается только с письменного согласия редакции. Ссылка на журнал обязательна.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (12.00.09; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 — юридические науки).

Вниманию наших авторов!

Материалы журнала размещаются в электронной справочно-правовой системе «КонсультантПлюс».

Формат 170x252. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Физ. печ. л. 3,0.

Усл. печ. л. 3,0. Цена свободная. Тираж 4000 экз. ISSN 2072-4152.

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Номер подписан в печать: 22.03.2021. Выход в свет: 01.04.2021.

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

JUSTICE OF THE PEACE

No. 4
2021

SCIENTIFIC-PRACTICE INFORMATION JOURNAL.

Registered with the Federal service for supervision in the sphere of mass communications and protection of cultural heritage.
REG. PI No. FC77-29335 of August, 24, 2007. Published monthly. Published since 2003.

Founder of the journal — Jurist Publishing Group

EDITOR IN CHIEF:

Doroshkov Vladimir Vasil'evich,
Professor of the Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminal Investigative Technique of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Secretary of the Plenum (Retired), Judge of the Supreme Court of the RF, Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

EDITORIAL BOARD:

Apostolova Natal'ya Nikolaevna,
Professor of Procedural Law Southern-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the RF, LL.D., Associate Professor

Voskobitova Lidiya Alekseevna,
Head of the Chair Criminal Procedural Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), LL.D., Professor

Golovko Leonid Vital'evich,
Head of the Chair of Criminal Procedure, Justice and Prosecutor's Supervision of the Lomonosov Moscow State University, LL.D., Professor

Kaplina Oksana Vladimirovna,
Head of the Department of criminal process of the Yaroslav the Wise, LL.D., Professor

Lazareva Valentina Aleksandrovna,
Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science of the Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, LL.D., Professor

Pavlikov Sergej Gerasimovich,
Head of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the RF, LL.D., Professor

Patov Nikolai Alexandrovich,
Vice-Rector of the Moscow Psychological and Social University (MPSU), Doctor of Pedagogy, PhD (Law), Professor, Academician of the Russian Academy of Education

Popov Ivan Alekseevich,
Chief Researcher of the Research Center No. 5 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of the RF, Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor

Primak Tat'yana Klavdievna,
Head of the Department of Civil Law and the Process of the Kant Baltic Federal University, LL.D., Professor

Sachkov Andrej Nikolaevich,
Judge of the Rostov Regional Court, Professor of the Theory and History of State and Law Department of the Rostov Branch of the Russian State University of Justice, PhD (Law), Associate Professor

CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD:

Kolokolov Nikita Aleksandrovich,
Judge of the Supreme Court of the RF (retired), LL.D., Professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov E.N., Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Editorial Office: Lapteva E.A., Solovyova D.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law).

Address of the Editorial Board / Publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.

Tel.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 (multichannel).

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Russian subscription: Unified Catalogue. Russian Press — 15093,

Russian Post — П1700 and on: www.lawinfo.ru

Contents

CRIMINAL PROCEEDINGS

Doroshkov V.V. Is the Liquidation of the Private Prosecution Necessary?..... 3

Kaminsky E.S. On the Necessity to Terminate Criminal Prosecution in Pre-Trial Proceedings..... 12

Malina M.A. World Justice and Artificial Intelligence..... 17

INTERNATIONAL EXPERIENCE

Shestak V.A., Timofeeva V.V. Property as a Target of Crime in Russia and Foreign Countries 22

Soloviev A.A., Sheyafetdinova N.A. Selection of Candidates for the Position of Judges: the Experience of Argentina 29

JUDICIARY

Endoltseva A.V., Endoltseva Yu.V., Tutynin I.V. Powers of the Federal Bailiff Service Need to be Adjusted..... 34

Opinions of the authors may not coincide with the point of view of the editors. Use of materials in others editions allowed only with the written consent of the publisher. Reference to the magazine is required.

Recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publications of basic results of PhD and doctoral theses (12.00.09; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 (law science))

For the attention of our authors!

The journal's materials shall be placed at ConsultantPlus reference legal system.

Size 170x252. Offset printing. Offset paper No. 1. Printer's sheet 3,0. Conventional printing sheet 3,0. Free market price. Circulation 4000 copies. ISSN 2072-4152. Printed by National Polygraphic Group Ltd. Bldg. 2, street Svetlaya, s. Severnij, Kaluga, 248031. Tel.: (4842) 70-03-37.

Passed for printing: 22.03.2021. Issue was published: 01.04.2021.

Complete or partial reproduction of materials without written permission of authors of the articles or the editorial board shall be prosecuted in accordance with law.

Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index **eLIBRARY.RU**

Нужна ли ликвидация частного обвинения?

Дорошков Владимир Васильевич,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России),
член-корреспондент Российской академии образования (РАО),
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
doroshkov.wv@yandex.ru

В статье анализируются различные мнения по поводу дальнейшей судьбы частного обвинения в отечественном уголовном судопроизводстве. Критически рассматриваются предложения о ликвидации частного обвинения как не соответствующего целям и задачам правосудия, современным тенденциям в развитии отечественного уголовного процесса. Обосновывается ущербность аргументов сторонников ликвидации данного правового института, каждому из них дается соответствующая оценка.

Ключевые слова: дела частного обвинения, дознание, судебная реформа, уголовное судопроизводство, частное обвинение.

Is the Liquidation of the Private Prosecution Necessary?

Doroshkov Vladimir V.
Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics
of the Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University),
Corresponding Member of the Russian Academy of Education
Honored Lawyer of the Russian Federation, LL.D, Professor

The article analyzes various opinions on the further fate of private prosecution in domestic criminal proceedings. The proposals on the elimination of private prosecution as not corresponding to the goals and objectives of justice, modern trends in the development of the domestic criminal process are critically considered. The inferiority of the arguments of the supporters of the liquidation of this legal institution is substantiated; each of them is given an appropriate assessment.

Key words: private prosecution cases, inquiry, judicial reform, criminal proceedings, private prosecution.

В статье «Осуждению не подлежит», опубликованной в «Российской газете» за 15 октября 2020 г., и в выступлении 8 декабря 2020 г. на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации (РФ) Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев предложил обсудить вопрос об упразднении процедуры частного обвинения и отнесении уголовных дел о нанесении побоев, умышленном причинении легкого вреда здоровью и клевете к категории уголовных дел частно-публичного обвинения, по которым будет проводиться дознание.

В этой связи мне, как ученому и практичку, непосредственно занимавшемуся про-

блемами частного обвинения, хотелось бы высказать некоторые суждения, учет которых, на мой взгляд, позволит направить в правильное русло научную дискуссию по поводу усовершенствования процедуры рассмотрения уголовных дел в порядке частного обвинения либо ее полной ликвидации. Такая дискуссия ведется уже на протяжении нескольких лет, в том числе на страницах отечественных журналов, а особенно в журнале «Мировой судья». Однако однозначного вывода по поводу судьбы дел частного обвинения до настоящего времени ни учеными, ни практическими работниками сделано не было.

Учеными, посвятившими свои научные исследования частному обвинению, с учетом процессов, реально происходящих в современном российском обществе, сформулированы вполне разумные предложения по его дальнейшему совершенствованию, но не ликвидации. Реализация этих предложений позволит не только улучшить качество рассмотрения дел данной категории мировыми судьями, которые наиболее приближены к населению своих участков, хорошо владеют ситуацией на местах, пользуются заслуженным авторитетом в ходе примирительных процедур, но и повысить уровень судебной защиты граждан путем оказания помощи сторонам в состязательном процессе. Немало подобных исследований проведено в последние годы. Причем их спектр и география постоянно расширяются, охватывая различные отрасли знаний и регионы страны¹.

Сторонники «эволюционного» пути развития частного обвинения в отечественном уголовном судопроизводстве справедливо обращали внимание на следующие основные процессуальные признаки частного обвинения: 1) потерпевший имеет возможность самостоятельно обратиться к мировому судье с заявлением; 2) досудебные стадии процесса отсутствуют; 3) потерпевший обладает правами, носящими диспозитивный характер; 4) в судопроизводстве может участвовать частный обвинитель, который обладает полномочиями по осуществлению и поддержанию обвинения именно по категориям уголовных дел частного обвинения; 5) потерпевший имеет право заявить о примирении с обвиняемым, и дело прекращается². Все эти признаки частного обвинения

они разумно предлагают развивать дальше, с учетом современных тенденций в развитии нашего общества и государства.

Сторонниками же «полной ликвидации» частного обвинения, как свидетельствует анализ опубликованных статей, в основном выступают ученые из сибирского региона³. Так что же не устраивает их в отечественном уголовном судопроизводстве по делам частного обвинения? Чем помешал данный правовой институт, и чем он хуже частно-публичного обвинения? Давайте разбираться и подробно проанализируем их аргументы.

Во-первых, они утверждают, что ликвидация частного обвинения в отечественном уголовном судопроизводстве и замена его на частно-публичное обвинение обеспечит более эффективную и доступную судебную защиту прав граждан в разумные сроки. Причем реформирование традиционного для России правового института, не исчезнувшего даже в годы Советской власти, когда вообще отрицалось все «частное», ныне предлагается проводить под лозунгами: 1) дальнейшей гуманизации уголовного судопроизводства, связанной с декриминализацией деяний, не представляющих большой общественной опасности, 2) введения «уголовного проступка» в уголовное законодательство, 3) борьбы с «домашним насилием», которое носит латентный характер и чаще всего характеризуется зависимым положением потерпевшего⁴.

Во-вторых, предлагают совсем освободить потерпевших от бремени сбора доказательств, полагая, что современные пострадавшие от домашнего насилия не способны

¹ Белкин А.Р. Тонкости и недомолвки производства у мирового судьи // Мировой судья. 2020. № 8. С. 3–10; Быков В.М. Новые законы о порядке производства по уголовным делам частного обвинения // Российский судья. 2008. № 1. С. 14–20; Аристархов А.А., Зяблина М.В. Производство в суде по уголовным делам о побоях: проблемы новелл и пути их разрешения // Мировой судья. 2019. № 7. С. 22–26; Гаврилов М.А. Правопреемство частного обвинителя // Мировой судья. 2019. № 9. С. 14–19.

² Ухова Е.В. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Владимир: Издательство Владимирского юридического института Министерства юстиции РФ, 2004. С. 11.

³ Смирнова И.Г. и Шадрин М.Ю. К вопросу об искусственности института частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2020. № 2. С. 25–28; Смирнова И.Г. и Шадрин М.Ю. Реформирование или упразднение частного обвинения: постановка проблемы // Мировой судья. 2019. № 4. С. 14–19; Голубов И.И. К вопросу о преимуществе дознания над частным обвинением // Российский судья. 2016. № 5. С. 27–33; Корякин А.А. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016; Трубникова Т.В. Частное обвинение или отказ в правосудии // Уголовная юстиция. 2015. № 2 (6). С. 59–62.

⁴ Лебедев В.М. Осуждению не подлежит // Российская газета — Федеральный выпуск. 2020. 13 октября.

самостоятельно доказать выдвинутое ими обвинение в отношении своих обидчиков, поскольку не наделены соответствующими полномочиями и в большинстве своем не являются профессиональными юристами. Считают, что частное обвинение в настоящее время — это уже не общедоступный способ отстоять свои права, а лишь преимущество избранных.

В-третьих, подчеркивают, что после перевода дел частного обвинения в категорию дел частно-публичного обвинения сохранится возможность освобождения гражданина от уголовной ответственности при условии примирения с потерпевшим, которая предусмотрена ст. 76 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), для всех преступлений небольшой и средней тяжести, если они совершены впервые.

В-четвертых, полагают, что уголовное преследование носит исключительно публичный характер. Поэтому в целях унификации уголовно-процессуального законодательства гораздо целесообразнее упразднить институт частного обвинения, одновременно установив в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) обязанность органов предварительного расследования по прекращению уголовного преследования в связи с отказом потерпевшего от обвинения лица, совершившего преступление⁵.

Полагаю, что, прежде чем давать окончательную оценку всем этим доводам, следует вспомнить, что обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве является сложнейшей проблемой, вобравшей в себя как общие, так и частные, теоретические и прикладные вопросы, требующие своего компетентного и детального изучения. Причем, как мною уже подчеркивалось ранее, «проблема гарантированности охраны и защиты прав потерпевших должна рассматриваться комплексно — в психологическом, правовом, социальном, историческом, международном и иных аспектах»⁶. Нель-

зя ее решать поспешно, я бы сказал «революционно», без глубокого и всестороннего научного прогнозирования последствий подобного действия, без изучения и подробного анализа судебной практики, истории развития нашей Родины.

Если вести речь об эффективности и доступности судебной защиты прав граждан в разумные сроки, то в первую очередь необходимо обратить внимание на современную уголовную и уголовно-процессуальную политику, которую проводит наше государство. При ее формировании должна учитываться реальная социальная среда в современном российском обществе, а не пустые надежды на полноправное вхождение в западное сообщество. Следует учитывать также интересы всех участников уголовного процесса, а не только интересы инициаторов реформ, прислушиваться к аргументированным, проверенным практикой рекомендациям ученых, а не выдумывать новые реформы, не дав объективной оценки ранее проведенным.

Неспроста наши замечательные ученые-криминологи, отмечая негативные тенденции, появившиеся в российском законодательстве, справедливо обращали внимание на: «1) бессистемность в разработке законодательства и частоту изменений действующих законов; 2) слабую аналитическую и прогностическую оценку последствий принимаемых актов; 3) базирование идеологии борьбы с преступностью на гипертрофированных либеральных, зачастую квазилиберальных ценностях; 4) пренебрежение превентивными подходами, явную недооценку предупреждения преступности как наиболее гуманного направления борьбы с ней»⁷. Анализ процедуры разработки, а также содержания отдельных законопроектов и пояснительных записок к ним, к сожалению, свидетельствует о сохранении всех этих негативных тенденций и в настоящий момент.

Под термином «эффективность» во многих сферах знаний принято понимать достижение поставленной цели (совокупности задач) при наименьших затратах сил

⁵ Голубов И.И. Некоторые вопросы экономической и правовой неэффективности частного обвинения // Уголовное судопроизводство. 2016. № 3.

⁶ Дорошков В.В. Настало время вновь обсудить положение потерпевшего в современном уго-

ловном процессе // Мировой судья. 2019. № 5. С. 3–13.

⁷ Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская Уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. С. 12, 79.

и средств. Данное определение полностью применимо и к уголовному судопроизводству. В качестве цели (назначения) уголовного судопроизводства выступает защита **прав и законных интересов** потерпевших от преступлений, как это отражено в ч. 1 ст. 6 УПК РФ. Однако сторонники ликвидации частного обвинения почему-то либо забывают о наличии по делам частного обвинения помимо прав еще и законных **частных интересов** граждан, либо просто игнорируют их наличие. Эффективность защиты этих прав и интересов во многом зависит от того, насколько полно и с минимальными материальными и моральными затратами они защищаются. Необходимыми условиями достижения эффективности в уголовном судопроизводстве становятся как повышение статуса его субъектов (частных обвинителей, оперативных работников, дознавателей, следователей, прокуроров, судей), так и наличие оптимальных процессуальных процедур для установления истины по делу.

Поэтому одной лишь передачей дел частного обвинения от мировых судей дознавателям без расширения сферы полномочий последних, без повышения профессионального уровня и условий труда, без подробной регламентации особенностей процедур проблему повышения эффективности уголовного судопроизводства не решить. Следовательно, предлагаемая реформаторами процедура формулирования и предъявления обвинения органами дознания при отсутствии предварительной примирительной процедуры у мирового судьи не будет способствовать эффективной судебной защите прав граждан в разумные сроки, с наименьшими затратами.

Неспроста процессуалисты постоянно обращали внимание на то, что «заявление потерпевшего по делам частного обвинения, поступившее в органы дознания, нельзя приравнивать к заявлениям, поданным мировому судье»⁸. Объем обвинения, сформулированный в заявлении потерпевшего и в обвинительном акте органов дознания, не должен существенно отличаться. Частный обвинитель должен иметь возможность своевременно дополнить и уточнить

объем обвинения. В связи с этим он должен ставить вопрос о возбуждении уголовного преследования лишь перед мировым судьей, а не органами дознания. Если же органы дознания по результатам проверки поступившего к ним заявления потерпевшего откажут в возбуждении уголовного дела, то эти материалы нельзя направлять мировому судье без отмены постановления органов дознания. А подобных случаев на практике немало, поскольку органы дознания зачастую опасаются вынесения оправдательного приговора и реабилитации лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Ликвидация частного обвинения в силу положений ч. 2 и ч. 3 ст. 246 УПК РФ лишит потерпевшего права на поддержание обвинения, а участие государственного обвинителя в судебном разбирательстве по делам данной категории станет обязательным. Кто тогда по делам частного-публичного обвинения будет возмещать вред, причиненный оправданному лицу, государство или частный обвинитель?

Согласно ч. 7 ст. 246 УПК РФ, полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части. Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель по делу частного-публичного обвинения вдруг придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Отказ от обвинения влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части независимо от мнения потерпевшего. Следовательно, ошибки органов дознания при собирании доказательств могут повлечь необоснованный отказ государственного обвинителя от обвинения и несправедливое прекращение уголовного дела.

Безусловное прекращение уголовного дела в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, на мой взгляд, допустимо лишь в случае совершения преступления, которым не затрагиваются интересы конкретных потерпевших, либо

⁸ Кононенко В.И. Уголовно-процессуальное право: учебник // под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Издательство «Юрайт», 2012. С. 739–749.

когда потерпевший согласен с отказом государственного обвинителя от обвинения и поддерживает его. В противном случае потерпевший лишается дальнейшего доступа к правосудию в целях защиты своих прав и законных интересов. Следовательно, доступность судебной защиты прав и законных интересов потерпевших в случае ликвидации частного обвинения не повысится, а наоборот — понизится.

В связи с ликвидацией частного обвинения непременно встанет вопрос о форме обвинения по делам указанной категории. Процессуалисты выделяют следующие формы обвинения: 1) *главное обвинение* (когда государство может вмешаться в дело, если усмотрит зависимое или беспомощное состояние потерпевшего или его законного представителя, либо когда оно по иным причинам не в состоянии защищать свои права и законные интересы); 2) *заменяющее обвинение* (когда частный обвинитель допускается к делу, преследование которого принадлежит публичному обвинителю, не желавшему выступить с уголовным иском); 3) *дополнительное обвинение* (когда частное лицо действует в процессе совместно с публичным обвинением, не устраняя, а лишь дополняя его, но частный обвинитель играет второстепенную роль).

Кроме того, существует опасность того, что дознаватели смогут стимулировать пострадавших по очевидным преступлениям к обращению в правоохранительные органы с заявлениями о возбуждении дел в целях повышения процента раскрываемости преступлений в регионе. Ведь, как признавали даже сторонники ликвидации частного обвинения, «Работа Министерства внутренних дел всегда оценивалась в том числе по количеству раскрытых преступлений и количеству уголовных дел, направленных в суд. В погоне за этими показателями дознаватели МВД как раз и черпают резервы в институте частного обвинения»⁹.

⁹ Смирнова И.Г., Шадрин М.Ю. К вопросу об искусственности института частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве // *Мировой судья*. 2020. № 2. С. 27; Ломакин В.И., Мондохонов А.Н. Уголовные дела частного обвинения как способ повышения раскрываемости преступлений // *Законность*. 2015. № 6. С. 3–6.

Следовательно, едва ли обязательное производство дознания по всем делам, преследуемым ныне в порядке частного обвинения, способно решить основные проблемы собирания доказательств, повышения эффективности защиты прав и интересов потерпевших в разумные сроки, с учетом той нагрузки, которая нынче ложится на плечи правоохранительных органов, и специфики предмета доказывания. На реализацию подобного предложения потребуются существенные материальные затраты из государственного бюджета. Возбуждение уголовного преследования дознавателем вопреки воле потерпевшего не поможет, а скорее причинит более существенный вред его интересам, возобновит уже затихший в семье либо между соседями конфликт.

Ведь только потерпевший может судить о том — задеты ли его честь и достоинство фактом распространения заведомо ложных сведений, насколько опасен вред, причиненный его здоровью. Именно поэтому законодатель отступил от принципа публичности в уголовном процессе, предусмотрев категорию уголовных дел, возбуждение которых ставится в зависимость от усмотрения самого потерпевшего. Ведь зачастую причины конфликтной ситуации коренятся в бытовых, семейных и иных отношениях, гражданско-правовых спорах, которые длительное время не находят своего полного и справедливого разрешения, в том числе в судах. Именно для разрешения гражданско-правовых споров по поводу судьбы имущества, детей стороны зачастую провоцируют конфликт и стремятся выиграть спор при помощи мер уголовно-правового характера, которые могут быть применены в отношении другой стороны. А органы дознания станут помощниками таких «провокаторов», отвлекаясь от других более важных дел.

Неспроста действующий УПК РФ предусматривает возможность осуществления мировым судьей содействия в собирании доказательств. Механизмы такого содействия нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Вместо производства обязательного дознания по делам указанной категории было бы разумнее предусмотреть расширение полномочий мирового судьи, наделив его правом дачи поручений

органам дознания на производство конкретных оперативно-розыскных и процессуальных действий, устанавливая конкретный срок их выполнения. Тем самым потерпевшим будет оказана более эффективная, оперативная и к тому же адресная помощь в собирании доказательств по делу.

Институт дел частного обвинения, являясь ярким проявлением диспозитивности в уголовном процессе, предоставляет участнику, отстаивающему в деле свой законный личный интерес, возможность самостоятельно распоряжаться движением уголовного процесса. В делах о преступлениях, посягающих на частные права граждан, не затрагивающих публичные интересы, государство не должно вмешиваться в ход уголовного судопроизводства. Действующая ныне процедура, на мой взгляд, данный баланс выдерживает. Возникающие проблемы с домашним насилием, вызванными конфликтами в семьях, следует разрешать с помощью совершенствования семейного и гражданского законодательства, а не только уголовно-процессуального закона.

Уже давно подмечено, чем демократичнее форма государства и принятые в нем ценности, чем совершеннее гражданское общество, тем шире сфера деятельности частного обвинения. Перечень преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, в таких государствах расширяется. У нас же почему-то наоборот — постоянно сокращается. Неспроста дифференциация форм уголовного судопроизводства выступает в качестве одного из важных методов его совершенствования, особенно когда метод правового регулирования соответствует правовой природе, специфике регулируемых общественных отношений. Поэтому, если для раскрытия и расследования тяжких, особо тяжких преступлений требуется максимальное вторжение в частную жизнь граждан, лиц, вовлеченных в уголовный процесс, то для разрешения незначительных уголовно-правовых конфликтов, а тем более «уголовных проступков» подобное вторжение явно не будет способствовать обеспечению их законных интересов, сохранению семейной и личной тайны. К тому же, вопреки утверждениям нынешних реформаторов, далеко не всегда «жертва семейного насилия» находится в зави-

симом от обидчика состоянии. Зачастую бывает наоборот. Так стоит ли государству в лице его правоохранительных органов бесконтрольно вмешиваться во все семейные конфликты, тем самым разрушая основную ячейку общества?

Кроме того, процедура рассмотрения дел частного обвинения предусматривает возможность подачи встречного заявления, когда речь идет, например, о драке, где каждая из сторон конфликта считает себя правдой, поскольку ей причинен вред. В делах частного-публичного обвинения такая специфика отсутствует, что на практике может привести к тому, что прав будет тот участник драки, который успеет первым обратиться с заявлением о совершении преступления. Многие такие заявления подаются под влиянием эмоций, и поэтому законом предусмотрено безусловное прекращение уголовного дела частного обвинения за примирением сторон. Изменение же вида уголовного преследования может повлечь привлечение к ответственности лиц при отсутствии каких-либо претензий со стороны потерпевшего, осложнение отношений между сторонами.

Что касается суждения по поводу отсутствия у многих потерпевших по делам частного обвинения профессиональной подготовки для правильного написания заявлений, то для его правильной оценки следует ответить на следующие вопросы. *Во-первых*, можно ли отсутствие юридических знаний, свободного времени либо финансовых ресурсов расценить как беспомощное состояние или как иное состояние, свидетельствующее о том, что гражданин не может самостоятельно защищать свои права и законные интересы в соответствии с ч. 4 ст. 20 УПК РФ? В случае положительного ответа на него соответствующие должностные лица, в том числе дознаватель, с согласия прокурора и по действующему уголовно-процессуальному закону просто обязаны возбуждать уголовное дело частного обвинения.

Во-вторых, неужели в век научно-технического прогресса, доступности «интернета» правовая безграмотность нашего населения достигла уровня XIX столетия, когда многие граждане не умели читать и писать, но могли самостоятельно формулировать обвинение по делам частного об-

винения и поддерживать его в суде? Или же просто нынче чрезмерно усложнилась и стала бюрократической процедура формулирования, предъявления и поддержания в суде обвинения по преступлениям небольшой тяжести. А термин «обвинение», сформулированный в п. 22 ст. 5 УПК РФ, почему-то дополнительно вобрал в себя еще и юридическую квалификацию действий обвиняемого. В связи с этим частный обвинитель вдруг стал субъектом квалификации преступления.

Вместе с тем юридическая квалификация — это многоаспектное явление, которое включает в себя: «установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой»¹⁰. Поэтому для правильной квалификации действий обидчика потерпевшему необходима специальная юридическая помощь. Решить проблему квалификации действий обидчика в заявлении потерпевшего можно двумя способами. *Первый* — ввести систему бесплатной юридической помощи населению, организованной в форме муниципальной адвокатуры, которая поможет потерпевшим правильно написать заявление по делу частного обвинения. *Второй* — вообще исключить юридическую оценку из понятия «обвинение» и не требовать от потерпевшего ссылки на норму УК РФ. Первый путь выглядит предпочтительнее, поскольку юристы смогут не только помогать в составлении заявления, но и выступать в качестве представителей потерпевших по делу частного обвинения.

Ведь часть 1 ст. 48 Конституции РФ гарантирует каждому, в том числе потерпевшему, квалифицированную юридическую помощь. Законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации могут устанавливаться дополнительные гарантии реализации права граждан на получение бесплатной юридической помощи. Следовательно, государство обязано создавать условия, при которых реализация права на доступ к правосудию не будет зависеть от правовой ос-

ведомленности человека, его финансовых и иных возможностей, а не передавать решение вопроса о формулировке частного обвинения правоохранным органам, усложняя тем самым процедуру привлечения виновного к суду.

Общеизвестно, что дела частного обвинения прекращаются по целому спектру оснований (за примирением, за отсутствием заявления, в связи с отказом от обвинения). Причем прекращение дел за примирением сторон по делам частного обвинения, согласно положениям ч. 2 ст. 20, ч. 5 ст. 319 УПК РФ, предписывается в императивном порядке независимо от условий, содержащихся в ст. 76 УК РФ. Одновременно мировой судья в рамках судебного контроля проверяет обоснованность возбуждения дела дознавателем или следователем на основании ч. 4 ст. 20 УПК РФ. Именно в этих особенностях во многом кроется суть частного обвинения, где преступлением затрагивается в большей степени частный интерес, хотя преступление при этом не утрачивает своей общественной опасности. Благодаря этому отечественный законодатель допускает устранение частного конфликта миром и прекращение производства по делу вне зависимости от иных условий (совершение преступления небольшой и средней тяжести впервые, заглаживание причиненного вреда). Следовательно, сохранение возможности прекращения дел частного обвинения за примирением сторон на основании ст. 76 УК РФ не равнозначно прекращению за примирением сторон дел частного обвинения.

Неспроста не допускается прекращение производства по делу за примирением сторон по таким преступлениям, как злоупотребление должностными полномочиями (ч. 1 ст. 285 УК), превышение должностных полномочий (ч. 1 ст. 286 УК). Хотя эти преступления и отнесены к преступлениям средней тяжести, они не подлежат прекращению за примирением сторон, поскольку основной объект в данных преступлениях будет представлен публичными, а не частными интересами гражданина. Не могут также выступать в качестве стороны в примирении *лесничий* за незаконную рубку лесных насаждений (ч. 1, 2 ст. 260 УК), *охотовед* за незаконную охоту (ст. 258 УК).

¹⁰ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юридическая литература, 1972. С. 8.

Данные преступления затрагивают публичные интересы всего общества, государства, а не частные интересы конкретного физического лица.

Кстати, длительное время отечественным законодателем вообще не учитывается факт наличия в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ) административных правонарушений, которые, как и преступления, преследуемые в порядке частного обвинения, в большей степени затрагивают не публичные, а частные интересы граждан. Например, оскорбление (ст. 5.61 КоАП), побои (ст. 6.1.1 КоАП РФ). Однако до сих пор в отечественном административном законодательстве так и не появилось статьи, аналогичной ст. 76 УК РФ, которая позволяла бы прекращать производство об административном правонарушении за примирением сторон и учитывать мнение потерпевшего. А ведь подобные предложения от ученых поступали. При этом подчеркивалась необходимость «унификации уголовного и административного законодательства, выработки единого подхода по многим схожим правовым институтам»¹¹. Судьба преступлений, преследуемых ныне в порядке частного обвинения, в случае ликвидации частного обвинения может повторить судьбу «оскорбления», «побоев», которые уже декриминализировались под лозунгом гуманизации в 2011, 2016 гг. Чтобы убедиться в верности моего прогноза, достаточно тщательно изучить печальный опыт и негативные последствия перевода «оскорбления», «побоев», а также «клеветы» из преступления в административное правонарушение.

Нельзя игнорировать и тот факт, что предложение о ликвидации частного обвинения во многом обусловлено распространением в России прозападной идеологии борьбы с «домашним насилием», особенностями развития западной цивилизации, основными идеями которой выступало стремление к глобализации, всемирному господству, отходу от традиционных семейных ценностей на основе антропоцентристского мировоззрения. Подобная

¹¹ Дорошков В.В. Частное обвинение: правовая теория и судебная практика. М.: НОРМА. 2000. С. 30.

идеология периодически выносятся на обсуждение нашей общественности представителями либеральных взглядов. Достаточно вспомнить, как тема борьбы с «домашним насилием» через игнорирование отечественных традиций активно навязывалась пропагандистами из США, которые начиная с 90-х годов пытаются научить российских юристов, каким должно быть наше уголовное судопроизводство по западному образцу.

Благодаря наличию особенностей судопроизводства по делам частного обвинения нашим ученым и законодателю удавалось не допускать активного вмешательства государственных органов в семейные и частные интересы граждан, соблюдать разумный баланс публичных и частных интересов, успешно противостоять пропаганде «западных ценностей». После того, как эйфория от либеральных преобразований в России постепенно начала проходить, а надежды на полноправное вхождение в западное сообщество стали иллюзорными, отечественные ученые активнее обращают внимание на ошибки, допущенные в ходе предыдущего реформирования уголовного процесса. Причина многих разочарований россиян в либеральных реформах кроется не столько в несоответствии российской ментальности западной, сколько в глубоком кризисе европейских концепций государства и права, идеологии и культуры, зараженных идеями глобализма. В связи с этим современные отечественные философы все чаще приходят к выводу: «как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе государственно-правового строительства Россия должна использовать огромный отечественный, исторически проверенный опыт с учетом мировоззренческого уклада народа, его традиционно-религиозного разнообразия и особого культурного кода»¹².

Позиция же сторонников радикальных мер в отношении дел частного обвинения не вписывается в рамки представлений современных философов о будущем России и обусловлена следующими факторами: 1) определенным недопониманием сущности правового института частного обви-

¹² Яшин А.Н. Философия русского правосудия: генезис и эволюция идей (IX — XIX вв.): дис. ... докт. философ. наук. М., 2019. С. 6.

нения, материально-правовых и процессуальных оснований выделения дел частного обвинения в особую категорию дел; 2) неправильной оценкой роли государства и общества в защите частных интересов граждан и сохранении семьи как основной ячейки общества; 3) бессистемностью в разработке законопроектов, слабой аналитической и прогностической оценкой последствий принимаемых актов, игнорированием особенностей развития локальной

российской цивилизации, мировоззрения россиян.

Следовательно, полный отказ от частного обвинения не только не обеспечит эффективной доступной защиты в разумные сроки, не соответствует представлениям россиян о справедливости, но и принесет больше вреда, чем пользы в защите прав и законных интересов потерпевших. А основной девиз любого реформаторства должен быть следующим — «не навреди»!

Литература

1. Алексеев А.И. Российская Уголовная политика: преодоление кризиса / А.И. Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло. Москва : Норма, 2006. 144 с.
2. Аристархов А.А. Производство в суде по уголовным делам о побоях: проблемы новелл и пути их разрешения / А.А. Аристархов, М.В. Зяблина // *Мировой судья*. 2019. № 7. С. 22–26.
3. Белкин А.Р. Тонкости и недомолвки производства у мирового судьи / А.Р. Белкин // *Мировой судья*. 2020. № 8. С. 3–10.
4. Быков В.М. Новые законы о порядке производства по уголовным делам частного обвинения / В.М. Быков // *Российский судья*. 2008. № 1. С. 14–20.
5. Гаврилов М.А. Правоприемство частного обвинителя / М.А. Гаврилов // *Мировой судья*. 2019. № 9. С. 14–19.
6. Голубов И.И. К вопросу о преимуществе дознания над частным обвинением / И.И. Голубов // *Российский судья*. 2016. № 5. С. 27–33.
7. Голубов И.И. Некоторые вопросы экономической и правовой неэффективности частного обвинения / И.И. Голубов // *Уголовное судопроизводство*. 2016. № 3. С. 34–41.
8. Дорошков В.В. Настало время вновь обсудить положение потерпевшего в современном уголовном процессе / В.В. Дорошков // *Мировой судья*. 2019. № 5. С. 3–13.
9. Дорошков В.В. Частное обвинение: правовая теория и судебная практика / В.В. Дорошков. Москва : Норма, 2000. 144 с.
10. Екимов А.А. Гуманизация уголовного законодательства / А.А. Екимов // *Молодой ученый*. 2015. № 9 (89). С. 834–836.
11. Кононенко В.И. Уголовно-процессуальное право : учебник / В.И. Кононенко ; под общей редакцией В.М. Лебедева. Москва : Юрайт, 2012. 1016 с.
12. Корякин А.А. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.А. Корякин. Омск, 2016. 23 с.
13. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. Москва : Юридическая литература, 1972. 352 с.
14. Лебедев В.М. Осуждению не подлежит. Глава Верховного суда России Вячеслав Лебедев: Предлагаем внести в закон понятие «уголовный проступок» / В.М. Лебедев // *Российская газета — Федеральный выпуск*. 2020. 13 октября.
15. Ломакин В.И. Уголовные дела частного обвинения как способ повышения раскрываемости преступлений / В.И. Ломакин, А.Н. Мондохонов // *Законность*. 2015. № 6. С. 3–6.
16. Смирнова И.Г. К вопросу об искусственности института частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве / И.Г. Смирнова, М.Ю. Шадрин // *Мировой судья*. 2020. № 2. С. 25–28.
17. Смирнова И.Г. Реформирование или упразднение частного обвинения: постановка проблемы / И.Г. Смирнова, М.Ю. Шадрин // *Мировой судья*. 2019. № 4. С. 14–19.
18. Трубникова Т.В. Частное обвинение или отказ в правосудии / Т.В. Трубникова // *Уголовная юстиция*. 2015. № 2 (6). С. 59–62.
19. Ухова Е.В. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.В. Ухова. Владимир, 2004. 27 с.
20. Яшин А.Н. Философия русского правосудия: генезис и эволюция идей (IX — XIX вв.) : диссертация доктора философских наук / А.Н. Яшин. Мурманск, 2019. 403 с.

О необходимости прекращения уголовного преследования в досудебном производстве

Каминский Эдуард Станиславович,
председатель судебного состава,
судья Верховного Суда Республики Татарстан
2887500@mail.ru

В статье обосновывается необходимость расширения применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве. Автор приходит к выводу о том, что важнейшими альтернативными способами разрешения уголовно-правовых конфликтов, применимыми в ходе досудебного производства, являются прекращение уголовного преследования в связи с примирением с потерпевшим, ввиду деятельного раскаяния, и освобождением от уголовной ответственности с применением штрафа. Основным способом расширения применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в соответствии с публичными интересами является переориентация органов уголовного преследования на необходимость максимально широкого применения института освобождения от уголовной ответственности. Особую роль в этом мог бы сыграть прокурор. В связи с этим прокурора необходимо наделить широкими полномочиями по контролю за применением альтернативных мер, а также возможностью прекращения уголовного преследования самостоятельно. Это существенно оптимизировало бы процесс применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, а также снизило риски злоупотребления полномочиями органов предварительного расследования. Расширение применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов предполагает и активное информирование его участников, разъяснение им таких возможностей и прав заявить ходатайство о прекращении уголовного преследования, а также последствий этого.

Ключевые слова: прекращение уголовного преследования, досудебное производство, эффективность, альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов, прокурор, суд.

On the Necessity to Terminate Criminal Prosecution in Pre-Trial Proceedings

Kaminsky Eduard S.,
Presiding judge,
Supreme Court Judge of the Republic of Tatarstan

The article substantiates the need to expand the use of alternative methods of resolving criminal law conflicts in pre-trial proceedings. The author comes to the conclusion that the most important alternative ways of resolving criminal-legal conflicts, applicable in the course of pre-trial proceedings, are the termination of criminal prosecution in connection with reconciliation with the victim, due to active remorse, and with exemption from criminal liability with the use of a fine. The main way to expand the use of alternative methods of resolving criminal law conflicts in accordance with public interests is to reorient the criminal prosecution authorities to the need for the widest possible use of the Institute of exemption from criminal liability. The Prosecutor could play a special role in this. In this regard, the Prosecutor should be given broad powers to monitor the use of alternative measures, as well as the ability to terminate criminal prosecution independently. This would significantly optimize the process of applying alternative methods of resolving criminal law conflicts, as well as reduce the risks of abuse of the powers of preliminary investigation bodies. Expanding the use of alternative ways to resolve criminal law conflicts also involves actively informing its participants, explaining to them such opportunities and rights to apply for termination of criminal prosecution, as well as the consequences of this.

Keywords: termination of criminal prosecution, pre-trial proceedings, efficiency, alternative ways to resolve criminal law conflicts, Prosecutor, court.

В последние годы внимание всех процессуалистов приковано к развитию альтернативных уголовному преследованию мер, которые активно развиваются во многих странах мира. Применение этих мер

позволяет минимизировать степень уголовной репрессии, рационализировать уголовный процесс, оптимизировать нагрузку на судебную систему, возместить ущерб, причиненный преступлением и разрешить

уголовно-правовой конфликт путем соглашения. Российским вариантом альтернативных мер разрешения уголовно-правовых конфликтов является прекращение уголовного преследования¹. Востребованность данного процессуального института весьма велика: согласно статистическим данным, в 2019 г. судами России по нереабилитирующим основаниям было прекращено 189 851 уголовное дело, в 2018 г. — 191 251, в 2017 — 193 388, что составляет около 20% от рассмотренных судами². Традиционно среди видов альтернативных мер наибольшее количество составляют такие виды прекращения уголовного преследования как прекращение уголовного преследования в связи с примирением с потерпевшим (в 2019 г. судами было прекращено 108 662 таких дела, это 57,4% от прекращенных по нереабилитирующим основаниям); с применением судебного штрафа (в 2019 г. судами было прекращено в 65 269 случаях (34,2%); в связи с деятельным раскаянием (в 2019 г. судами было прекращено в 11 882 случаях (6,3%))³. Возникает вопрос о целесообразности более широкого применения прекращения уголовного преследования по данным основаниям в ходе досудебного производства. Полагаем, что в большинстве случаев уголовно-правовой конфликт подобным образом мог быть успешно разрешен в ходе досудебного производства, что существенно оптимизировало бы уголовное судопроизводство по таким делам, почти на четверть снизило бы нагрузку на суды. Если рассматривать такие основания прекращения уголовного преследования как примирение с потерпевшим и деятельное раскаяние, то никаких легально установленных препятствий к их применению в ходе досудебного производства по делу не существует. Вместе с тем данный институт работает не в полной мере. Органы предварительного расследования все еще в боль-

шей степени ориентированы на направление уголовных дел в суд для определения их дальнейшей судьбы, поскольку это улучшает их ведомственные показатели.

Согласно статистическим данным, прекращение уголовного преследования в ходе предварительного расследования происходит в несколько десятков раз реже, чем в судебных стадиях процесса. А.А. Толкаченко пишет о том, что прекращение уголовных дел в досудебном производстве осуществляется в 1,5–4,5% случаях, тогда как вплоть до 2001 г. в период действия УПК РСФСР он составлял около 20% и был стабилен. Между тем в предмет доказывания по любому уголовному делу входят обстоятельства, которые могут повлечь освобождение от уголовной ответственности⁴. С.В. Бурмагин объясняет такую разницу различными подходами правоприменителей — органов уголовного преследования и судов — в определении соотношения публичного и частного интересов в данном вопросе: «органы предварительного расследования как представители публичной обвинительной власти склонны преувеличивать значение общественных интересов, ассоциируя себя с их защитниками, противостоящими частным, эгоистическим, нередко узкокорыстным устремлениям обвиняемого и потерпевшего, пришедших к согласию вопреки общественному благу»⁵.

К причинам ограниченного применения норм о прекращении уголовного дела также относят «недостаточное уяснение правоприменителями содержания данных норм и отсутствие единства в практике их применения; конкуренцию правовых норм, влияние показателей о количестве направленных в суд уголовных дел, характеризующих качество работы органов расследования»⁶. Мнение о том, что малое количество случаев освобождения

¹ Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 252; Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: автореф. дис. канд. юрид. наук. Самара, 2011.

² URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения: 11.02.2021).

³ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения: 19.02.2021).

⁴ Толкаченко А.А. Современные особенности реализации норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания // Судья. 2020. № 8. С. 18.

⁵ Бурмагин С.В. Соблюдение баланса частных и публичных интересов при освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 15.

⁶ Самолаева Е.Ю. Применение норм о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон при производстве дознания // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 154.

от уголовной ответственности не соответствует современной правовой политике, не вытекает из закона и не может считаться нормальным, неоднократно высказывалось в последние годы⁷. Нельзя не согласиться с выводами В.В. Дорошкова о том, что развитие уголовного судопроизводства должно осуществляться с учетом критериев разумности и целесообразности⁸.

Очевидно, что основным способом решения данной проблемы является переориентация органов уголовного преследования на необходимость максимально широкого применения института освобождения от уголовной ответственности. В.В. Момотов предлагает законодательно стимулировать прекращение уголовных дел на досудебной стадии, внести коррективы в порядок ведения статистики правоохранительными органами и систему поощрения сотрудников этих органов, с тем, чтобы при наличии к тому законных оснований сотруднику правоохранительных органов было комфортнее самостоятельно прекратить уголовное преследование без передачи дела в суд, а не наоборот⁹.

Важную роль в этом мог бы сыграть прокурор, которого необходимо наделить широкими полномочиями по контролю за применением данных мер, а также возможностью прекращения уголовного преследования при наличии к тому вышеуказанных оснований самостоятельно. Ежегодно прокурорами отменяется более 25 тысяч решений органов предварительного расследования о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) — 26 637 в 2018 г. и 26 156 — в 2019¹⁰.

⁷ Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве / отв. ред. проф. Масленникова М., 2017; Муравьев К.В. Способы снижения процессуальной нагрузки, альтернативные декриминализации // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 1. С. 61–66; Воскобитова Л.А. Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики // Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. М., 2015; и др.

⁸ Дорошков В.В. Стратегия развития современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 59.

⁹ Момотов В.В. Экономика правосудия: о благе государства и пользе частного лица // Государство и право в современном мире. 2017. № 4. С. 11.

¹⁰ URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/5fb/0112_2019.pdf (дата обращения: 05.01.2021).

В 2018 г. в соответствии с позициями Конституционного Суда РФ¹¹ полномочия прокурора по отмене постановления о прекращении уголовного дела были ограничены одним годом с момента вынесения первого постановления (ст. 214 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) в ред. Федерального закона от 12 ноября 2018 г. № 411-ФЗ).

Наделение прокурора полномочиями по самостоятельному оперативному реагированию в этой сфере существенным образом оптимизировало бы процесс применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, а также снизило риски злоупотребления полномочиями органов предварительного расследования.

Представляется необходимым установить следующий механизм применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в ходе предварительного расследования. Прекращение уголовного преследования следователем и дознавателем должно быть только с согласия прокурора, в случае отказа следователя и дознавателя в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного преследования такой отказ может быть обжалован прокурору, который наделяется полномочиями по прекращению уголовного преследования и может реализовать это право в том числе при рассмотрении жалобы. Также прокурор должен быть наделен правом прекращать уголовное преследование ввиду примирения с потерпевшим и деятельного раскаяния на этапе утверждения обвинительного заключения, обвинительного постановления и обвинительного акта¹².

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Аналогичные предложения были высказаны В.И. Кононенко (Кононенко В.И. Применение судами норм уголовно-процессуального права о прекращении уголовных дел за примирением сторон по делам публичного обвинения // Российское правосудие. 2016. S1. С. 304) и А.А. Толкаченко (Толкаченко А.А. Современные особенности реализации норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания // Судья. 2020. № 8. С. 27).

Н.Н. Апостолова совершенно справедливо пишет о том, что решение вопроса о наличии либо отсутствии необходимости поддержания по ним обвинения в суде должно остаться прерогативой прокурора, который должен обеспечивать соблюдение оптимального баланса защиты интересов личности, общества и государства¹³. Следует отметить, что в науке существует и другая позиция, согласно которой освобождение от уголовной ответственности должен осуществлять только суд¹⁴. Полагаем ее не соответствующей современной парадигме уголовного судопроизводства в части, касающейся рационализации уголовного судопроизводства и экономии процессуальной репрессии, начиная с самых ранних этапов уголовного судопроизводства. Считаем бессмысленным и нецелесообразным доводить до суда уголовное дело, которое может быть разрешено путем прекращения на более ранних этапах процесса.

Расширение применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов предполагает и активное информирование его участников, разъяснение им таких возможностей и прав заявить ходатайство о прекращении уголовного преследования. Н.Н. Апостолова полагает, что подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему с момента признания их таковыми должно разъясняться и обеспечиваться право на прекращение уголовного дела по соответствующим дискреционным основаниям с их добровольного согласия, а также право на получение квалифицированной юридической помощи и консультаций адвоката по вопросам применения альтернативных мер воздействия¹⁵. Полагаем возможным не согласиться с таким предложением.

Предоставление участникам уголовного судопроизводства какого-либо права предполагает и наличие соответствующей этому праву корреспондирующей обязанности должностных лиц, ответственных за произ-

водство по уголовному делу. В данной ситуации право на прекращение уголовного дела по смыслу должно повлечь за собой обязанность такого прекращения, и дискреционные основания перестанут быть таковыми, став императивными по сути. Правильнее было бы говорить о разъяснении права заявлять такое ходатайство, а также права обжаловать отказ в его удовлетворении. Что касается разъяснения права на получение квалифицированной юридической помощи и консультаций адвоката по вопросам применения альтернативных мер воздействия, полагаем это излишним. На наш взгляд, достаточным будет общее разъяснение права на защиту и получение квалифицированной юридической помощи с объяснением того, что оно распространяется на все вопросы, возникающие при производстве по уголовному делу. Однако в ст. 42 и 47 УПК РФ, посвященных процессуальному статусу обвиняемого и потерпевшего, необходимо закрепить их право ходатайствовать о прекращении уголовного дела при наличии к тому оснований. Это же право, на наш взгляд, следует дополнительно разъяснять участникам уголовно-правового конфликта по окончании расследования в порядке ст. 217 УПК РФ.

Следует также согласиться с предложением о необходимости разъяснения участникам уголовно-правового конфликта правовых последствий прекращения уголовного преследования¹⁶, поскольку освобождение от уголовной ответственности само по себе не означает исчерпания негативных последствий совершенного деяния. Такая позиция высказана в том числе в Постановлении Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2017 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева»¹⁷.

¹³ Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С. 14.

¹⁴ Калугин А.Г. Прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 1999.

¹⁵ Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С. 14.

¹⁶ Николок В.В., Дочия Р.М., Шаламов В.Г. Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием. М.: Профессиональный союз адвокатов России, 2002. С. 95–96.

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2017 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и

При прекращении производства по уголовному делу в связи с освобождением от уголовной ответственности право на защиту прав и законных интересов лиц, пострадавших в результате преступления, в гражданском судопроизводстве сохраняется во всяком случае. У потерпевшего сохраняется возможность обратиться за защитой своих прав в порядке гражданского судопроизводства.

Таким образом:

1. Важнейшими альтернативными способами разрешения уголовно-правовых конфликтов, применимыми в ходе досудебного производства, являются прекращение уголовного преследования в связи с примирением с потерпевшим, ввиду деятельного раскаяния и с освобождением от уголовной ответственности с применением штрафа.

1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева // СПС «КонсультантПлюс».

2. Основным способом расширения применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в соответствии с публичными интересами является переориентация органов уголовного преследования на необходимость максимально широкого применения института освобождения от уголовной ответственности. В связи с этим прокурора необходимо наделять широкими полномочиями по контролю за применением альтернативных мер, а также возможностью прекращения уголовного преследования самостоятельно. Это существенно оптимизировало бы процесс применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, а также снизило риски злоупотребления полномочиями органов предварительного расследования.

3. Расширение применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов предполагает и активное информирование его участников, разъяснение им таких возможностей и прав заявить ходатайство о прекращении уголовного преследования, а также последствий этого.

Литература

1. Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве : автореферат диссертации доктора юридических наук / Н.Н. Апостолова. Москва, 2010. 56 с.
2. Бурмагин С.В. Соблюдение баланса частных и публичных интересов при освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением / С.В. Бурмагин // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 13–17.
3. Головкин А.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / А.В. Головкин. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. 542 с.
4. Дорошков В.В. Стратегия развития современного уголовного судопроизводства / В.В. Дорошков // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 57–60.
5. Калугин А.Г. Прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.Г. Калугин. Москва, 1999. 39 с.
6. Кононенко В.И. Применение судами норм уголовно-процессуального права о прекращении уголовных дел за примирением сторон по делам публичного обвинения / В.И. Кононенко // Российское правосудие. 2016. № S1. С. 300–306.
7. Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Ю.В. Кувалдина. Самара, 2011. 20 с.
8. Масленникова Л.Н. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве / Л.Н. Масленникова, Н.Е. Антонович, Т.Ю. Вилкова ; ответственный редактор Л.Н. Масленникова. Москва : Норма, 2017. 374 с.
9. Момотов В.В. Экономика правосудия: о благе государства и пользе частного лица / В.В. Момотов // Государство и право в современном мире. 2017. № 4. С. 5–16.
10. Муравьев К.В. Способы снижения процессуальной нагрузки, альтернативные декриминализации / К.В. Муравьев // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 1. С. 61–66.
11. Николюк В.В. Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием / В.В. Николюк, Р.М. Дочия, В.Г. Шаламов. Москва : Профессиональный союз адвокатов России, 2002. 136 с.
12. Самолаева Е.Ю. Применение норм о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон при производстве дознания / Е.Ю. Самолаева // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 152–155.
13. Толкаченко А.А. Современные особенности реализации норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания / А.А. Толкаченко // Судья. 2020. № 8. С. 18–27.
14. Уголовное судопроизводство: теория и практика / под редакцией Н.А. Колоколова. Москва : Юрайт, 2015. 1038 с.

Мировая юстиция и искусственный интеллект

Малина Максим Александрович,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики юридического факультета
Южного федерального университета,
кандидат юридических наук
bestar@yandex.ru

В статье исследуются перспективы использования цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел мировыми судьями. Рассматривается вопрос о применении искусственного интеллекта в доказывании: предлагается его использование только для повышения гарантий допустимости доказательств, отрицательно оценивается применение информационных технологий в сфере оценки достоверности, относимости, достаточности доказательств. Обосновывается недопустимость использования искусственного интеллекта для формирования экспертных оценок и прогнозов в отношении итоговых решений мирового судьи. Они могут быть получены только в результате статистического анализа совокупности ранее постановленных приговоров, поэтому ориентированность мировых судей на соответствующие рекомендации искусственного интеллекта неизбежно приведет к формализации, выхолащиванию их деятельности. Предлагаются меры по совершенствованию примирительной функции российского мирового судьи.

Ключевые слова: мировой судья, уголовные дела частного обвинения, примирение сторон, искусственный интеллект, информационные технологии.

World Justice and Artificial Intelligence

Malina Maxim A.,
Senior Lecturer of the Department
of Criminal Procedure and Forensic Science of the Law Faculty
of the Southern Federal University
PhD (Law)

The article explores the prospects of using digital technologies in the consideration of criminal cases by magistrates. The issue of the use of artificial intelligence in evidence is being considered: it is proposed to use it only to increase guarantees of the admissibility of evidence, the use of information technologies in the field of assessing the reliability, relatability, sufficiency of evidence is negatively evaluated. The inadmissibility of the use of artificial intelligence to form expert assessments and forecasts regarding the final decisions of a magistrate is justified. They can be obtained only as a result of a statistical analysis of the totality of previously ruled sentences, so the orientation of magistrates on the relevant recommendations of artificial intelligence will inevitably lead to formalization, emasculation of their activities. Measures are proposed to improve the conciliation function of the Russian magistrate's court.

Keywords: magistrate, criminal cases of private prosecution, reconciliation of the parties, artificial intelligence, information technology.

В настоящее время вопрос использования цифровых технологий в деятельности российского суда очень актуален, эта тема, как говорится, сегодня «в тренде». Причем речь идет уже не только и не столько об оптимизации рутинных процессов (документооборот, аудиозапись судебных заседаний, использование видео-конференц-связи и др.), сколько о прямом участии искусственного интеллекта в правосудии. В уголовно-процессуальной отечественной доктрине все чаще говорится о целесообразности

разработки и внедрения информационных экспертных систем для помощи суду в разрешении правовых конфликтов¹. Бесспорно, звучит заманчиво.

Но важно сразу определиться, о какой именно помощи идет речь. Обобщенно можно выделить два подхода к исследованию вопросов применения искусственно-

¹ Рагимов И.М., Аликперов Х.Д. Электронные весы правосудия (цели, возможности, преимущества) // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3.

го интеллекта в уголовном судопроизводстве². Условно их можно определить как «локальный» и «глобальный».

Локальный подход. Необходимо четко определить границы использования искусственного интеллекта в доказывании по уголовному делу. Представляется важным при этом ввести следующее правило — информационные технологии применимы здесь только в тех аспектах, которые подлежат формализации. Так, решение вопроса о допустимости доказательства предполагает проверку его получения надлежащим субъектом, из установленного в законе закрытого списка источников, путем проведения следственных действий, перечень которых так же установлен исчерпывающим образом. Запрограммировать эти правила, алгоритмически закрепить такие «фильтры» для исключения из процесса недопустимых сведений вполне реально, здесь действительно искусственный интеллект может быть верным помощником для ведущего судопроизводство лица. Но вот другие вопросы оценки доказательств — вопросы их относимости, достоверности, достаточности — не подлежат формализации ни в коем случае. Иначе мы возвращаемся к теории формальной оценки доказательств, к «шкалам», «баллам» и т.д. — к их предустановленной силе. Никакая заранее установленная шкала приоритетов одних видов доказательств перед другими, никакие формулы по определению их достаточности для разрешения конкретного дела не смогут предусмотреть, охватить все многообразие жизни. Упразднение принципа свободной оценки доказательств, возвращение к механическому суммированию числовых показателей их «силы» в духе средневековой инквизиционной «арифметики» — это утопия, причем утопия крайне опасная для российского уголовного процесса и, соответственно, для всего общества.

Глобальный подход. Здесь следует посмотреть на уголовное судопроизводство под иным углом — с точки зрения статистического обобщения его результатов. Ка-

ким бы сложным ни было уголовное дело, в конце концов мы получаем по нему итоговое решение, обладающее множеством информационно значимых характеристик. Эти сведения можно внести в некую «базу данных» и затем определенным образом обрабатывать (анализировать, классифицировать и т.д.). Такие возможности у современного искусственного интеллекта, без сомнения, есть. В итоге мы получаем набор типовых, стандартных решений практически на любой «запрос». То есть у суда появляется своеобразный консультант, советник, который предлагает ему некий шаблон для решения дела.

Естественно, что наибольший «соблазн» использовать такой подход присутствует в сфере действия мировой юстиции. И дело здесь вот в чем. Сегодня основной существенной характеристикой российской мировой суда является его максимальная приближенность к населению, его доступность обществу. Например, по уголовным делам частного обвинения, по общему правилу, законодатель предоставляет потерпевшему возможность самостоятельно поддерживать обвинение в суде, наделяет его теми же правами, что и государственного обвинителя в ординарном порядке судопроизводства. Обобщенно можно сказать, что в уголовном судопроизводстве в компетенцию мирового судьи входят несложные уголовные дела, здесь миссия мировой юстиции заключается в разрешении наиболее распространенных в обществе, «обыденных» уголовно-правовых конфликтов. Поэтому, на первый взгляд, в этой сфере действительно существуют достаточно серьезные предпосылки для классификации правовых споров, к формированию на этой основе совокупности стандартных, типичных ситуаций и выработке, так сказать, эталонных способов разрешения соответствующих уголовных дел.

С такими задачами искусственный интеллект может справиться достаточно успешно. Помимо возможности хранения огромного массива данных, цифровые технологии позволяют реализовать и разнообразные обучающие систему программные алгоритмы. Например, пополняя базу итоговых судебных решений еще и данными о результатах их инстанционной про-

² Естественно, оставляя в стороне вопросы цифровизации документально-технических, рутинных процессов, поскольку здесь никаких сомнений польза информационных технологий не вызывает.

верки, можно постепенно все с большей долей достоверности сформировать набор наиболее «успешных» типовых решений суда. Искусственный интеллект словно самообучается — он фиксирует все возможные причинно-следственные связи между исходными данными о правовых конфликтах и результатами их разрешения, ранжирует их и отбирает набравшие максимальную оценку. Так создается основа для формирования прогнозов, экспертных рекомендаций для мирового судьи.

Но если посмотреть на проблему более внимательно, картина выглядит не столь радужной. Основная идея вышеизложенного «глобального» подхода — наполнить систему реальными, «живыми» сведениями и на этой основе постепенно выработать оптимальные для каждой ситуации решения. При этом ясно, что никакого внутреннего содержания эти решения иметь не могут, искусственный интеллект его просто не «видит», он неприменим к оценке доказательств («локальный» подход)³. Таким образом, говоря о предлагаемых им решениях, мы должны понимать, что основой для них выступил лишь «внешний» слой статистических данных. Именно поэтому после громких слов, например, о том, что искусственный интеллект способен «...предсказывать решения Верховного Суда США» или о том, что в Великобритании он используется для «... предугадывания решений Европейского Суда по правам человека», всегда следует вполне логичное разъяснение: эти «предсказания» делаются на основе базы данных «...решений Верховного Суда США с 1952 года...»; «алгоритм «натренирован» на основе 584 постановлений, вынесенных ... Страсбургским судом» и др.⁴

Этот «внешний слой» сможет сохранять связь с действительностью лишь до тех пор, пока соответствующая база данных будет пополняться сведениями, полученными в ходе реального, самостоятельного рассмотрения мировыми судьями уголовных дел по существу. Но если судья будет брать в расчет предлагаемые ему искусствен-

ным интеллектом данные о стандартных, эталонных для рассматриваемой ситуации итоговых решениях, это может повлиять на его объективность и самостоятельность в доказывании. Информация о том, что по аналогичным уголовным делам зачастую принимались иные решения, может только смутить, сбить с толку правоприменителя, заставит его задуматься о возможной отмене приговора в вышестоящих инстанциях.

Таким образом, никогда не будет понятно, насколько предложенные искусственным интеллектом рекомендации повлияли на приговор. Постепенно грань между самостоятельным, реальным, «живым» разрешением дела и внешним, искусственным, эталонным будет стираться. Появится вероятность попадания в систему решений, которые не были приняты в результате полноценного доказывания. И тогда цифровое хранилище будет пополняться оторванными от реальности, «мертвыми» данными. Далее они будут просто дублироваться — система начнет «питать» сама себя. Со временем искусственный интеллект может просто вытеснить мирового судью, последний станет лишь оформителем предоставленного ему системой решения.

Поэтому представляется, что использовать цифровые технологии в сфере действия российской мировой юстиции следует исключительно для оптимизации документально-организационных процессов и для оценки допустимости доказательств («локальный» подход). Применение обобщающей, «статистической» функции искусственного интеллекта в духе рассмотренного выше «глобального» подхода недопустимо. При полноценно проведенном доказывании для принятия справедливого решения по делу никакой искусственный интеллект не нужен.

Вместе с тем нельзя игнорировать тот факт, что рассмотрение мировым судьей уголовных дел о наиболее распространенных в обществе, типичных преступлениях действительно создает предпосылки для некоторой стандартизации его деятельности, к ее выхолащиванию. Собственно говоря, именно поэтому данная сфера столь «соблазнительна» для применения искусственного интеллекта, всегда «заточенного» на формализацию. И недостаточным

³ За исключением оценки допустимости доказательств.

⁴ Малько А.В., Костенко М.А. Цифровые технологии в судебной системе: проблемы внедрения // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 53.

будет, отвернувшись от этого факта, просто ограничить применение здесь информационных технологий.

Основная проблема заключается в том, что ни на доктринальном, ни на нормативном уровне сегодня четко не определена роль мирового судьи, его назначение в уголовном судопроизводстве России.

На самом общем уровне в доктрине выделяют две модели мировой юстиции: английскую и французскую⁵.

Согласно английской концепции основная роль мирового судьи заключалась в охране «королевского мира», т.е., говоря современным языком, в охране правопорядка, в защите публичного интереса. Таким образом, английскую модель мировой юстиции можно назвать «мироохранительной».

Французская мировая юстиция изначально была предназначена для разрешения гражданско-правовых споров, и поэтому в первую очередь мировой судья стремился к примирению сторон. В дальнейшем такой подход сохранился и при рассмотрении мировым судьей уголовных дел, определив французскую модель мировой юстиции как «миротворческую».

В России в дореволюционный период концепция мирового суда имела схожие черты именно с французской моделью построения мировой юстиции. Еще профессор И.Я. Фойницкий указывал на то, что составители Судебных уставов 1864 г. видели в мировых судьях таких лиц, «... которые пользовались бы в среде населения возможно высоким нравственным авторитетом и высшее качество правосудия которых — примирение⁶. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. требовал от мирового судьи в делах, «которые могут быть прекращаемы примирением сторон», именно «склонения сторон к миру» и только «...в случае неуспеха в том приступать к постановлению приговора...» (ст. 35, 120)⁷.

⁵ Головкин А.В. Генезис концепции мировой юстиции на Западе и в России: от единства термина к разнообразию институтов // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2009. № 6. С. 8–28.

⁶ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1912. С. 318.

⁷ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. URL: <https://constitution.garant.ru/>

Сегодня отечественный законодатель так и не дает полноценного ответа на главный вопрос: кто же такой российский мировой судья — это хранитель мира, правопорядка или прежде всего судья-примиритель? Уголовно-процессуальное законодательство содержит лишь элементы, нормативные «вкрапления» миротворческой концепции построения мировой юстиции. Наибольшим образом они проявляются по уголовным делам частного обвинения⁸: мировой судья разъясняет сторонам возможность примириться (ч. 4, 5 ст. 319 УПК РФ). Если такое примирение произошло, то оно обязательно для суда. Но сам судья при этом никаких мер для мирного разрешения спора не предпринимает.

Следует отметить, что даже при таком осторожном подходе законодателя к миротворческой функции мирового судьи довольно существенная часть подсудных ему уголовных дел все-таки разрешается за примирением сторон. Например, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, на рассмотрение мировым судьям в 2019 г. поступило 253 тыс. уголовных дел. Из них прекращены в связи с примирением сторон — 56,8 тыс. уголовных дел, что составляет 23% от общего числа дел и 57,5% от количества прекращенных производств (98 800 дел)⁹.

Как видно, несмотря на отсутствие полноценной нормативной регламентации, на практике институт примирения сторон вполне жизнеспособен и востребован. Причиной тому как раз и является указанная выше сущностная характеристика мирового судьи — его приближенность к населению, специализация на «обыденных» для общества правовых конфликтах. Далеко не всегда потерпевшие хотят их разрешения исключительно через наказание виновного.

[history/act1600-1918/3137/#sub_para_N_33](https://www.cdep.ru/index.php?id=80) (дата обращения: 19.02.2021).

⁸ В остальных случаях примирение возможно в общем порядке — согласно положениям ст. 25 УПК РФ. Сюда же относятся и случаи, когда уголовные дела частного обвинения возбуждены в соответствии с ч. 4 ст. 20 УПК РФ.

⁹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: Обзор судебной статистики о деятельности мировых судей в 2019 году. URL <http://www.cdep.ru/index.php?id=80> (дата обращения: 19.02.2021).

Но восприятие мирового суда только как суда, наиболее приближенного к населению и предназначенного для разрешения несложных уголовных дел, выглядит упрощенно и, как показано выше, может иметь негативные последствия — формализация, выхолащивание деятельности мирового судьи. К тому же если определять его роль в духе английской концепции охранителя правопорядка, то мы получаем некоторую «упрощенную версию» районного суда. При этом применительно к компетенции районного суда говорить о простых, стандартных уголовных делах вряд ли возможно, особенно после введения здесь суда с участием присяжных заседателей.

Поэтому важно увидеть, что естественным, органичным продолжением такого свойства мирового суда, как приближенность к населению, является его природная способность, «генетическая» предназначенность к разрешению правовых споров через примирение сторон. Представляется, что только доктринальное признание и последующее нормативное закрепление обоих этих свойств мирового суда в качестве его сущностных характеристик позволят в полной мере реализовать его потенциал в отечественном уголовном процессе.

Тогда естественным образом будет исключен и риск формализации деятельности мирового судьи. Если задача примирения спорящих сторон приобретает первостепенное значение, то гносеологическая деятельность судьи расширяется и выходит на иной уровень. Каждая ситуация становится в своем роде уникальной, так как исследованию подлежат и все ее психологические, морально-нравственные аспекты. Здесь, на первый взгляд, стандартный случай словно

дополняется новым содержанием, содержанием, формализации не подлежащим. Возникает необходимость работы с такими феноменами, как совесть, раскаяние, прощение, которые уже невозможно оценить в балах, измерить, ранжировать. Искусственный интеллект не обладает чувствами, он даже не сможет «распознать» эти явления, не говоря уже о способности искать способы для их проявления в конкретной жизненной ситуации. Это под силу только человеку. Поэтому вопрос об использовании искусственного интеллекта решится сам собой — вести речь о стандартных, типовых правовых спорах не придется, как не придется вести речь и о поиске их эталонных решений.

Таким образом, представляется целесообразным возрождение в российском уголовном процессе концепции мирового судьи — примирителя. Следует законодательно закрепить положения об обязанности мирового судьи по всем подсудным ему уголовным делам предпринимать активные, инициативные действия, прежде всего для примирения сторон конфликта. В свою очередь, это потребует и соответствующего обучения мировых судей, повышения их квалификации в таких сферах, как психология, виктимология, конфликтология и др. В итоге все это послужит укреплению законности и правового порядка, позволит разрешать многие правовые конфликты «бескровно», не оставляя тем самым у его участников желания отомстить, взять реванш, продолжать борьбу и т.д. Такой подход может выступить важной превентивной мерой, послужит совершенствованию правового сознания, правового воспитания общества, укреплению его моральных, нравственных начал.

Литература

1. Головкин Л.В. Генезис концепции мировой юстиции на Западе и в России: от единства термина к разнообразию институтов / Л.В. Головкин // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2009. № 6. С. 3–42.
2. Малько А.В. Цифровые технологии в судебной системе: проблемы внедрения / А.В. Малько, М.А. Костенко // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 52–54.
3. Рагимов И.М. Электронные весы правосудия (цели, возможности, преимущества) / И.М. Рагимов, Х.Д. Аликперов // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 8–19.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1 / И.Я. Фойницкий. Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Общественная польза», 1912. 579 с.

Имущество как предмет преступления в России и зарубежных странах

Шестак Виктор Анатольевич,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России),
доктор юридических наук, доцент
shestak.v.a@mgimo.ru

Тимофеева Вероника Викторовна,
студент 4 курса Международно-правового факультета
Московского государственного института международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России)
nika35573557@mail.ru

На современном этапе развития экономических отношений институт имущества продолжает играть ключевую роль, что обуславливает потребность в определении и законодательном закреплении понятия «имущество». Авторами рассматриваются различные исторические и международные подходы к разграничению и классификации различных видов имущества как предметов преступных посягательств. В работе проанализированы существующие в правовой доктрине точки зрения на способы закрепления в уголовном праве данного понятия, через призму его признаков. Сделана попытка выявить слабые места в понимании имущества в концепции уголовного права и рассмотреть различные способы урегулирования и развития понятия имущества как предмета преступления.

Ключевые слова: уголовно-правовое законодательство, имущество, преступное посягательство, имущественные преступления, правовая охрана имущества.

Property as a Target of Crime in Russia and Foreign Countries

Shestak Viktor A.
Professor of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology
of the Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University)
Doctor of Juridical Science, Associate Professor

Timofeeva Veronika V.,
4th year Student of the International Law Faculty
of the Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University)

At the present stage of development of economic relations, the institution of property continues to play a key role, which necessitates the definition and legislative consolidation of the concept of «property». The authors examine various historical and international approaches to the delineation and classification of various types of property as objects of criminal encroachments. The paper analyzes the points of view existing in the legal doctrine on the ways of consolidating this concept in criminal law, through the prism of its features. An attempt is made to identify weaknesses in the understanding of property in the concept of criminal law and to consider various ways of settling and developing the concept of property as a subject of crime.

Keywords: criminal law legislation, property, criminal encroachment, property crimes, legal protection of property.

В действующем уголовно-правовом законодательстве Российской Федерации в рамках конструирования правовых категорий очень часто используются оценоч-

ные признаки — понятия, которые подразумевают общепринятую регламентацию, но не определены на законодательном уровне, точнее, не закреплены в нем. Данное обстоятельство может быть рассмотрено как неизбежное явление или как явление, способствующее отрицательному восприятию единообразия применения уголовно-правовых норм в рамках квалификации. Одной из таких оценочных категорий является имущество как предмет хищения. Так, согласно примечанию 1 к ст. 158 УК РФ предметом хищения является имущество¹. Однако понятие имущества как предмета преступления не закреплено ни в уголовном законодательстве, ни в постановлениях Пленума Верховного суда Российской Федерации², ни в гражданском законодательстве³, регулирующем в первооснове имущественные отношения. Следовательно, можно утверждать, что данное понятие является оценочным и определяется судом (или иным правоприменительным органом) в каждом конкретном случае в процессе квалификации преступлений. Данное обстоятельство говорит о необходимости детального изучения имущества как предмета преступления в рамках действующего российского и зарубежного законодательства.

Развитие и усложнение экономических отношений требуют от государства адаптации существующих и разработки новых методов правовой защиты отношений, связанных с собственностью и имуществом. Указанная задача обусловлена ключевой ролью самого института имущества в государственном развитии, стабильности эко-

номических, социальных и политических процессов.

Однако вследствие бурного роста объема правовой базы и множественных изменений в законодательстве единое для всех отраслей права понимание категории имущества сегодня в российском законодательном пространстве не закреплено. В связи с этим необходимо доктринальное переосмысление понятия имущества в уголовном праве, несмотря на то, что имущественные преступления являются одним из самых древних видов уголовно наказуемых деяний и исследования имущества как предмета преступного посягательства неоднократно проводились в различные периоды развития юридической науки.

Классическое римское право подразделяло вещи на телесные и бестелесные, при этом к бестелесным относились права и обязательства. В рамках такой парадигмы посягательство на имущество предполагало умышленное присвоение вещи. Эволюция права и социума привела к пониманию обобществленной категории «имущества» как комплекса тех ценностей в распоряжении лица, которые могли иметь стоимостное выражение при мене, иными словами, не только фактически находящихся во владении материальных предметов, но и субъективных прав⁴. Исходя из такой категоризации устанавливается различная мера уголовной ответственности за противоправные посягательства на имущество. Необходимо отметить, что описанный подход является сегодня основополагающим в законодательствах множества государств.

Европейские правовые системы, несмотря на современную тенденцию к унификации всех видов законодательства, все же подходят к проблеме определения предмета преступлений, совершаемых против собственности, с различных позиций. В частности, современное германское законодательство оперирует понятием чужой вещи при определении предмета преступных посягательств имущественного характера, при этом предметы преступлений против имущества и против собственности

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 29.11.2016) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 2018. 22 июня.

³ Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2018) // СЗ РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.

⁴ Шейнин Л.Б. Самозащита права: различие между имущественным и обязательственным правом лица // Законодательство и экономика. 2015. № 11. С. 37–42.

различны. Если в первом случае это вещи, то во втором — права, блага, добытые преступным путем, и т.д.

Законы Французской республики предусматривают более широкую трактовку, основанную на признании имуществом вещи, имеющей экономическую ценность. То есть в категорию предмета преступлений попадают как материальные предметы, так и имущественные права. Фактически французский законодатель применяет в уголовной доктрине концепцию понимания имущества из цивилистики.

Британские законы, несмотря на запутанность и обилие прецедентов, в целом рассматривают в качестве предмета преступлений, связанных с имуществом, как движимое, так и недвижимое имущество, обязательственные и имущественные права. В то же время, если французские законы позволяют считать уголовно наказуемым деянием преступления, где предметом кражи выступает вода или электроэнергия, поданные британской короной и иные лица, совершающие подобные деяния на территории Великобритании, не будут обвинены в краже⁵. Преступления, предметом которых является электрическая энергия, выделены в отдельную категорию и не являются формально преступлениями против имущества.

В американской правовой системе, которая, как и европейская, стремится к унификации и отходу от прецедентного права, также прослеживается тенденция к расширенному толкованию понятия имущества как предмета преступления. Сюда включаются абсолютно любой предмет, право или обязательство, имеющие ценность или стоимостное выражение, не исключая еду и напитки, электроэнергию и газ.

Обобщая приведенные данные о законодательстве различных государств, можно провести параллель с российским и указать, что составы преступлений разделены по предметам посягательства — вещи (кражи, грабежи, разбой), и имущество в целом — права и обязательства (мошеннические действия, вымогательство и т.п.). Времена, когда объективизация собствен-

ности происходила лишь в вещном выражении, давно прошли, и число видов имущества, равно как и способов его изъятия из законного владения путем преступных посягательств, существенно увеличилось⁶. Уже давно физическое перемещение вещи перестало быть основной характеристикой преступного ее завладения, его заменило обогащение лица, совершившего преступное посягательство, за счет выбытия имущества из владения потерпевшего. Кроме того, предметом преступного посягательства все чаще становится имущественная выгода, также понимаемая в современной доктрине права как имущество.

Пришедшая на смену натурально-экономической концепции полезности вещи теория надления юридическими свойствами имущества прав и обязанностей, ресурсов и энергии потребовала обновления уголовно-правовых подходов к защите новых видов имущества. В целях правильной квалификации деяний, связанных с преступными посягательствами на имущество, необходимо глубокое понимание сути предмета деликта. Еще в советский период развития юридических знаний утвердилось наличие связи между успешностью раскрытия преступления и детальным пониманием его предмета⁷. Помимо этого, характеристики предмета преступления являются в ряде составов основаниями для квалификации преступных деяний, а также для разграничения смежных составов и отделения правомерных действий и противоправных⁸. Кроме того, в ряде норм действующего уголовного закона характеристики предмета преступления наделены собственным уголовно-правовым смыслом, например, в составах, где идет речь о предметах, представляющих особую ценность. Отсутствие четких признаков предмета преступления не позволяет не только воссоздать обстоятельства совер-

⁵ Сравнительное уголовное право. Особенная часть : монография / под общ. и научн. ред. С.П. Щербы. М. : Изд-во «Юрлитинформ», 2010. С. 207–210.

⁶ Андреев Ю.Н. Собственность и право собственности: цивилистические аспекты : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2013. С. 120.

⁷ Загородников Н.И. Понятие объекта преступления в советском уголовном праве // Труды ВЮА. Вып. XIII. М., 1951. С. 44.

⁸ Бавсун М.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: современное состояние и перспективы развития // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 6. С. 3–7.

шения преступного деяния, но и оценить нанесенный им материальный ущерб и степень общественной опасности вреда правоохраняемым интересам. Анализ гражданского законодательства Российской Федерации свидетельствует, что эта отрасль права придерживается концепции признания имуществом любого рода предметов, их совокупностей, имущественных и обязательных прав, т.е. всего, в отношении чего может возникнуть право собственности.

Ряд ученых-правоведов предлагал различные варианты закрепления в уголовном праве понятия имущества, как узкого, ограниченного только материальными предметами (вещами — материально-телесными субстанциями, находящимися в твердом, жидком и газообразном состоянии, выступающими как товар в гражданском обороте), деньгами или ценными бумагами комплекса, так и существенно более широкого перечня, в который включались бы и разные виды вещных и обязательственных прав⁹. В этой связи полагаем целесообразным рассмотреть уголовно-правовое значение понятия имущества через призму его признаков, которые в современной юридической науке принято подразделять на следующие категории: физические, экономические, социальные и юридические. Стоит отметить, что данная классификация является развитием теории, предложенной еще в позапрошлом веке¹⁰.

К категории физических признаков причисляются все возможные свойства материальных объектов, которые могут быть измерены. С точки зрения физических признаков предмет преступления может быть как отдельным материальным объектом, так и частью совокупности предметов; состоять из определенного числа иных предметов; иметь индивидуальные или родовые характеристики. Физические характеристики присущи как движимому, так и недвижимому имуществу. В связи с этим уголовно-правовая доктрина рассматривает

преступные деяния, предметом которых выступает имущество, которое может быть изъято и перенесено без причинения ущерба их назначению, как хищения движимого имущества, а иные имущественные посягательства — как имеющие своим предметом недвижимое имущество. Оба вида деяний наказуемы уголовным законом.

В юридической литературе присутствует мнение, что в связи с тем, что трансформация гражданско-правовых понятий в иные отрасли права, в частности в уголовное, не всегда возможна с адекватным сохранением исходных характеристик, в уголовной доктрине при рассмотрении имущества как предмета преступного посягательства, стоит отказаться от деления его на движимое и недвижимое¹¹. В свою очередь, категория экономических признаков предполагает, что в отношении предмета преступного посягательства как объекта материального блага, несущего в себе комплекс свойств, определяющих его полезность в процессе владения или пользования, присутствуют оценки его экономической ценности, выраженные в денежной форме. По такому признаку к предметам имущественных преступлений однозначно могут быть отнесены денежные средства (в любой из валют, имеющих хождение), ценные бумаги, любые вещи.

С социальной точки зрения имущество представляет собой вновь созданный или природный объект. Трансформация естественно-природного объекта при помощи труда в материальный объект позволяет говорить о возникновении у него социальных признаков категории «имущество», а также о том, что такие объекты могут быть предметами имущественных преступных посягательств. Таким образом, не изъятые из природных условий естественно-природные объекты, если преступные посягательства направлены против них, становятся предметами преступлений экологических, но не имущественных¹². В то же время указанные объекты могут располагаться на зе-

⁹ Гражданский кодекс РФ. Часть вторая. Комментарий / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М., 2010. С. 4.

¹⁰ Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 2: Особенная часть (главы I–X). 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 254.

¹¹ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / Ю.В. Грачева, Л.Д. Ермакова, Г.А. Есаков и др.; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. 2-е изд., испр. и доп. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2009. С. 473.

¹² Годубев С.И. Классификация экологических преступлений: критический анализ уголовно-

мельных участках, участках недр и т.п., которые могут находиться в собственности любых субъектов, что не позволяет отказываться от причисления их к ряду предметов преступлений против имущества.

Распространение правового режима собственности на все объекты, находящиеся на земельном участке, вытекает из положений действующего законодательства, исключение составляют отдельные виды природных ископаемых¹³. По мнению современных правоведов, указанное ставит под вопрос выводы тех правоведов, которые настаивают на том, что незаконное присвоение природного объекта, который не был изъят из естественной среды и не обработан человеком, стоит классифицировать лишь как экологическое преступление¹⁴. Обособление объектов природного характера с целью их хозяйственного использования порождает разрешение на эксплуатацию их имущественных свойств. В свою очередь, правовая природа природных объектов — вещная, и, следовательно, с точки зрения правовой защиты отношений, связанных с собственностью, на них необходимо распространять тот же правовой режим, что и на иные вещные объекты.

Что же касается приобретения имуществом с юридической точки зрения статуса предмета преступления, то необходимо, чтобы имущество выбыло из чьего-то правомерного владения в результате совершения преступного деяния, а лицо, завладевшее этим имуществом, не обладало правом собственности на него. Из этого следует, что имущество, в силу закона признаваемое бесхозным, не может быть предметом преступления, поскольку в отношении такого имущества нет титула собственности и, соответственно, объективизации в этом имуществе общественных отношений, на которые посягают преступления против имущества. Поскольку указанные

отношения не возникают, нет и предмета преступного посягательства. Также не входит в число предметов преступного посягательства имущество, от владения которым собственник отказался добровольно и сознательно. Отдельный правовой режим предусмотрен в отношении находок, за присвоение которых не наступает уголовная ответственность. За умышленную порчу или утрату находки ответственность наступает лишь по нормам гражданского законодательства.

Российская правовая система сохранила основы системы классификации преступлений имущественного характера по предмету, заложенные еще в дореволюционные времена. В советское время подход к категории «имущество вообще» включал только вещи, которые имели экономические свойства. Существовал особый вид преступлений — против социалистической собственности, куда относились все материальные блага, не находящиеся во владении частных лиц, т.е. денежная наличность и товарно-материальные ценности¹⁵. Имущество как совокупность прав и интересов не входило в предмет преступлений в силу экономического и политического уклада, сложившегося при советском строе.

Современное законодательство практически в неизменном виде сохранило все критерии и характеристики имущества как предмета хищения, разработанные правоведом советского периода — физически-материальное выражение предмета преступления, наличие у него ценности, которая может быть выражена в денежно-стоимостной форме и отсутствие прав на обладание предметом у виновного лица при том, что кто-то является обладателем этих прав и не отказывался от них по доброй воле. Действующее уголовное законодательство, сохранив наследие предыдущих периодов, интегрировало в него и иные, нематериальные объекты, которые могут стать предметом имущественных преступлений — безналичные денежные средства, ценные бумаги, отражающиеся лишь в виде записей на электронных счетах, в отношении которых действуют режимы правового регулирования.

правовой литературы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10. С. 140–151.

¹³ Часть 2 ст. 261 ГК РФ, ст. 8 Водного кодекса РФ, ст. 20 Лесного кодекса РФ, ст. 19 Закона РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 (в ред. от 01.12.2007) «О недрах» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 294; Мальцев В.В. Ответственность за преступления против собственности. Волгоград, 1999. С. 72.

¹⁵ Елисеев С.А., Бабушкина Е.А. Разновидности причинения имущественного ущерба (ст. 165 УК РФ) // Уголовное право. 2017. № 6. С. 18–24.

Как представляется, целями уголовного запрета на неправомерное изъятие чужого имущества является охрана общественных отношений в области собственности, причем в конкретном, объективизированном виде, а не права собственности как абсолютной категории. Именно такая «практическая» направленность мер уголовно-правового характера определяет разность подхода доктрин уголовного и гражданского права к проблеме определения понятия имущества, что в условиях отсутствия законодательно закрепленных дефиниций дает почву для научных дискуссий и разногласий в среде правоприменителей. Ряд правоведов полагает, что необходимо закрепить признаки категории имущества в уголовно-правовом смысле, опираясь на понимание совокупности имущества, выработанное в гражданском праве^{16,17}.

Таким образом, сложившаяся система уголовно-правовой охраны отношений, связанных с собственностью, в силу многочисленных изменений как самого уголовного закона, так и правовой доктрины, нуждается в систематизации и обновлении. Принимая во внимание тот факт, что практические отношения в части имущества складываются по поводу какой-то совокупности предметов, стоит использовать их классификации применительно непосредственно к вещи, правам имущественного характера и иным видам имущества, не несущим вещного признака. При таком подходе выявляется, что предмет преступления, являющийся вещным имуществом, известен с древних времен и понятен, а остальные категории остаются недоопределенными и не исследованными в необходимой мере, в особенности с практической точки зре-

ния, обеспечивающей эффективное применение права.

Как представляется, дискуссии по поводу определения тех или иных категорий, являющихся общими для многих отраслей права, не прекратятся в силу того, что общественные отношения неизбежно развиваются и право как отражение социума также подвержено развитию, причем развитие различных его отраслей происходит неравномерно. Именно в силу этого уголовное право сегодня по сравнению с гражданским отстаёт в инкорпорации в себе изменений в экономических отношениях, не столько в силу инертности кодифицированных законов, а в большей степени в силу отсутствия у законодателя концептуального видения экономического развития государства и, как следствие, необходимых изменений уголовного закона¹⁸.

В этой связи полагаем, что и законодателю, и правоприменителям предстоит принять решение о том, как именно надо подходить к правовой охране имущества — с позиций «статичности» или «динамики», вводя в составы норм уголовного закона новые предметы, понимаемые как имущество (криптовалюта, бездокументарные ценные бумаги), либо развивать как законодательную базу, так и практику применения законов в соответствии с постоянно появляющимися новыми способами хищения и предметами преступных посягательств¹⁹. Выбранный сегодня путь «подстройки» уже имеющихся инструментов под новые предметы и способы реализации правовых отношений может очень скоро оказаться неэффективным и потребовать не только масштабной правовой ревизии, но и существенных изменений в практике.

¹⁶ Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. СПб., 2003. С. 239.

¹⁷ Фролов М.В. Имущество как предмет хищения: единство и дифференциация гражданско-правового и уголовно-правового моментов понятия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 4–5.

¹⁸ Миняева Т.Ф. Уголовный закон как разум страны эпохи финансово-экономических перемен // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен: матер. IX Российского конгресса уголовного права. М., 2014.

¹⁹ Кошаева Т.О. Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за мошенничество // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 72–81.

Литература

1. Андреев Ю.Н. Собственность и право собственности: цивилистические аспекты: монография / Ю.Н. Андреев. Москва: Норма, Инфра-М, 2013. 318 с.
2. Бавсун М.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: современное состояние и перспективы развития / М.В. Бавсун // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 6. С. 3–7.

3. Бойцов А.И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов. Санкт-Петербург : Юридический Центр Пресс, 2002. 773 с.
4. Голубев С.И. Классификация экологических преступлений: критический анализ уголовно-правовой литературы / С.И. Голубев // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10. С. 140–151.
5. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Особенная часть : монография / В.Н. Додонов, О.С. Капинус, С.П. Щерба ; под общей и научной редакцией С.П. Щербы. Москва : Юрлитинформ, 2010. 544 с.
6. Елисеев С.А. Разновидности причинения имущественного ущерба (ст. 165 УК РФ) / С.А. Елисеев, Е.А. Бабушкина // Уголовное право. 2017. № 6. С. 18–24.
7. Жижиленко А.А. Преступления против имущества и исключительных прав / А.А. Жижиленко. Ленинград : Печатня, 1928. 208 с.
8. Загородников Н.И. Понятие объекта преступления в советском уголовном праве / Н.И. Загородников // Труды военно-юридической академии. Т. 13. Москва : РИО ВЮА, 1951. С. 32–46.
9. Кошаева Т.О. Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за мошенничество / Т.О. Кошаева // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 72–81.
10. Мальцев В.В. Ответственность за преступления против собственности / В.В. Мальцев. Волгоград : Волгоградский юридический ин-т МВД России, 1999. 77 с.
11. Миняева Т.Ф. Уголовный закон как разум страны эпохи финансово-экономических перемен / Т.Ф. Миняева // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен : материалы IX Российского конгресса уголовного права (г. Москва, 29-30 мая 2014 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор В.С. Комиссаров. Москва : Юрлитинформ, 2014. С. 75–79.
12. Наумов А.В. Российское уголовное право. В 3 томах. Т. 2. Особенная часть (главы I–X) : курс лекций / А.В. Наумов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Волтерс Клувер, 2007. 491 с.
13. Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность / В.И. Плохова. Санкт-Петербург : Юридический Центр Пресс, 2003. 239 с.
14. Уголовное право России. Часть общая : учебник для студентов вузов / Р.Р. Галиакбаров [и др.] ; ответственный редактор А.Л. Кругликов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Волтерс Клувер, 2005. 567 с.
15. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник для студентов вузов / Ю.В. Грачева, А.Д. Ермакова, Г.А. Есаков [и др.] ; под редакцией А.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Контракт, ИНФРА-М, 2009. 793 с.
16. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: Особенная часть. Посягательства личные и имущественные / И.Я. Фойницкий. 6-е изд. Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. 451 с.
17. Фролов М.В. Имущество как предмет хищения: единство и дифференциация гражданско-правового и уголовно-правового моментов понятия : автореферат диссертации кандидата юридических наук / М.В. Фролов. Екатеринбург, 2002. 29 с.
18. Шейнин А.Б. Самозащита права: различие между имущественным и обязательственным правом лица / А.Б. Шейнин // Законодательство и экономика. 2015. № 11. С. 37–42.

Почему важен DOI и как это влияет на качество научной информации и ее последующее цитирование?

DOI значительно облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации. DOI повышает авторитет журнала, он свидетельствует о технологическом качестве издания. DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

При цитировании статьи с DOI одним из журналов, входящих в Scopus, Web of Science или какую-либо другую престижную библиографическую базу, данные статьи и автора также заносятся в эти базы.

Все журналы, входящие в Scopus, Web of Science и Springer, в обязательном порядке присваивают своим статьям DOI.

Как ссылаться на статью с DOI?

Альханова Г.К. Построение «дома качества» для сливочного масла / Г.К. Альханова, Р.В. Залилов, Б.К. Асенова // Международный научно исследовательский журнал. 2015. № 7 (38). Часть 1. № 7–1 (38). С. 6–10. DOI: 10.18454/IRJ.2015.0001

Как проверить DOI статьи?

DOI, присвоенный любой организацией, можно проверить непосредственно на сайте IDF DOI: <http://www.doi.org/>

Отбор кандидатов на должности судей: опыт Аргентины

Соловьев Андрей Александрович,
заместитель председателя Арбитражного суда Московской области,
профессор Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
профессор Московского педагогического
государственного университета (МПГУ),
доктор юридических наук, доцент
solov.arbitr@rambler.ru

Шеяфетдинова Наталья Александровна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Московского педагогического государственного университета,
доцент кафедры КБ-12 «Правовое обеспечение национальной безопасности»
МИРЭА — Российского технологического университета,
кандидат юридических наук, доцент
SheiafetdinovaUP@mail.ru

Своеобразие судебной власти в каждой стране сопряжено со спецификой отбора кандидатов на должности судей, что присуще также Аргентинской Республике. Согласно Национальной Конституции Аргентинской Республики Совет магистратуры отвечает за подбор кандидатур на должности судей, а также организацию отправления правосудия. В составе Совета магистратуры имеется Комиссия по отбору судей и делам Судебной школы, в состав которой входят: два судьи, три представителя законодательной власти, два адвоката, представитель исполнительной власти, а также три представителя академического и научного сообщества. Отбор кандидатов осуществляется в соответствии с регламентом, принимаемым простым большинством голосов от общего числа членов Совета магистратуры на пленарном заседании. Список кандидатов должен быть опубликован для всеобщего сведения, с тем, чтобы сделать возможной подачу возражений в отношении их соответствия требованиям. Отбор должен проводиться открыто посредством механизмов, обеспечивающих прозрачность процедуры.

Ключевые слова: суд, судебная власть, Аргентинская Республика, должность судьи в Аргентине, отбор кандидатов на должности судей.

Selection of Candidates for the Position of Judges: the Experience of Argentina

Soloviev Andrey A.,
Deputy Chairman of the Arbitration Court of the Moscow Region,
Professor of Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Professor of the Moscow State University of Education (MSPU),
LL.D., Associate Professor

Sheyafetdinova Natalia A.,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of Moscow State University of Education,
Associate Professor of the Department of KB-12 «Legal Support of National Security»
of MIREA — Russian Technological University,
PhD (Law), Associate Professor

The peculiarity of the judiciary in each country is associated with the specifics of the selection of candidates for judicial positions, which is also inherent in the Argentine Republic. According to

the National Constitution of the Argentine Republic, the Council of Magistracy is responsible for the selection of candidates for judicial positions, as well as the organization of the administration of justice. The Council of Magistrates has a Commission for the Selection of Judges and Judicial School Affairs, which consists of: two judges, three representatives of the legislative branch, two lawyers, a representative of the executive branch, as well as three representatives of the academic and scientific community. The selection of candidates is carried out in accordance with the rules of procedure adopted by a simple majority of votes of the total number of members of the Magistracy Council at the plenary session. The list of candidates should be made publicly available in order to allow objections to their eligibility to be filed. Selection should be conducted openly through mechanisms that ensure transparency of the procedure.

Keywords: court, judicial power, Argentine Republic, position of a judge in Argentina, selection of candidates for judicial positions.

Механизм любого государства немалым без адекватных требований к его формированию, особо пристального внимания заслуживают особенности комплектования судейского корпуса, поскольку судебная ветвь власти является своеобразным арбитром в механизме правового регулирования, и недооценивать важность всей системы требований к кандидатам в судьи означает подвергнуть опасности всю правовую систему, поставив последнюю под угрозу деформированного правосознания соискателей на должность судьи. Для минимизации подобных рисков чрезвычайно важно изучить опыт зарубежных стран. В настоящей статье мы рассмотрим опыт Аргентинской Республики в области формирования судейского корпуса.

«Большинство латиноамериканских стран установили у себя единую судебную систему, т.е. систему без специализированных судов для рассмотрения административных споров»¹. «Развившись на базе иберийского правового наследия, берущего начало в романо-германской правовой традиции, латиноамериканское право обладает своеобразием, самобытностью и разработанностью национальных правовых систем»².

Основные функции в сфере формирования судейского корпуса в Аргентине выполняет орган судейского сообще-

ства данной страны, именуемый Советом магистратуры. Правовые основы деятельности Совета магистратуры **содержатся в первую очередь в Национальной Конституции Аргентинской Республики** от 1853 г. (с последующими изменениями и дополнениями)³.

Более подробно его правовой статус определен Законом Аргентинской Республики от 10 декабря 1997 г. № 24.937 «О Совете магистратуры», текст которого утвержден Указом от 26 июля 1999 г. № 816/1999 (с последующими изменениями и дополнениями)⁴.

Так, согласно ст. 114 Национальной Конституции Аргентинской Республики (с учетом положений ч. 4 ст. 99 данного нормативного правового акта), **Совет магистратуры в том числе отвечает за подбор кандидатур на должности судей, а также организацию отправления правосудия**. И в его полномочия входит отбор кандидатур на должности судей нижестоящих судов путем проведения открытых конкурсов.

Как следует из положений ст. 104 Национальной Конституции Аргентинской Республики, национальная судебная власть осуществляется Верховным судом и другими (нижестоящими) судами, которые Конгресс учредит на территории Республики.

³ Национальная конституция Аргентинской Республики от 1853 года [Constitucion de la Nacion Argentina de 1853]. URL: <<http://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/0-4999/804/norma.htm>>

⁴ Закон Аргентинской Республики № 24.937 «О Совете магистратуры» (текст утвержден Указом 26 июля 1999 г. № 816/1999) [Ley del Consejo de la Magistratura (Texto Ordenado por Decreto № 816/1999)]. URL: <<http://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/45000-49999/48231/texact.htm>>

¹ Перлинжейру Р. Современные вызовы, стоящие перед административной юстицией Латинской Америки // Государство и право. 2018. № 8. С. 119.

² Беликова К.М., Гребенников В.В. Правовые основы межсистемного взаимодействия органов судебной власти с другими направлениями правоохранительной деятельности: опыт Аргентины // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 140.

Таким образом, под **нижестоящими судами в Аргентине понимаются все суды, за исключением Верховного суда.**

В составе Совета магистратуры имеются **Комиссия по отбору судей и делам Судебной школы, в состав которой входят:** два судьи, три представителя законодательной власти, два адвоката, представитель исполнительной власти, а также три представителя академического и научного сообщества.

Полномочия Совета магистратуры, связанные с формированием судейского корпуса и повышением его квалификации, конкретизированы следующим образом:

- регламентировать процедуру проведения открытых конкурсов на замещение вакантных должностей с обязательным установлением предусмотренных законодательством механизмов. Для этой цели, среди прочих условий, Совет магистратуры должен: незамедлительно объявлять об открытии новых конкурсов при появлении соответствующих вакантных должностей; оперативно и эффективно проводить конкурсы и обрабатывать их результаты; осуществлять контроль за обеспечением равного доступа при поступлении на судебную службу на конкурсной основе как для работников, так и для государственных служащих; обеспечивать равенство и не допускать дискриминации при проведении конкурсов на замещение должностей судей среди лиц, имеющих соответствующую квалификацию в области профессиональной, академической или научной деятельности, а также лиц, работающих в судебных органах; обеспечивать постоянное повышение квалификации;

- простым большинством голосов от общего числа членов Совета магистратуры поручить Комиссии по отбору судей и делам Судебной школы объявлять конкурсы до появления вакантных должностей, руководствуясь законодательством о судебной системе и юрисдикцией. Кандидаты, утвержденные для участия в конкурсе, вносятся в список, срок действия которого составляет пять лет. В течение этого периода, в зависимости от появившихся вакантных должностей, Совет магистратуры на пленарном заседании определяет количество

списков из трех кандидатов, включенных в список, в порядке очередности. После того, как указанные списки из трех кандидатов будут сформированы, поименный список кандидатов утрачивает силу;

- утверждать результаты конкурсов и представлять органам исполнительной власти обязательные списки из трех кандидатов на должности судей простым большинством голосов от общего числа членов Совета магистратуры;

- организовывать деятельность Судебной школы, принимать ее регламент, утверждать ее учебные программы, определять значимость пройденных кандидатами программ для их последующего участия в конкурсе для назначения судей и государственных служащих и планировать курсы повышения квалификации для судей, государственных служащих и работников органов судебной власти с целью эффективного отправления правосудия по согласованию с Комиссией по отбору судей и делам Судебной школы;

- принимать регламенты для назначения заместителей судей и назначать заместителей судей в случае временного освобождения или временного отстранения судьи от должности, а также в случае появления вакантных должностей в нижестоящих судах в соответствии с действующим законодательством.

В Аргентине установлен следующий порядок отбора кандидатов на должности судей.

Отбор кандидатов осуществляется в соответствии с регламентом, принимаемым простым большинством голосов от общего числа членов Совета магистратуры на пленарном заседании, и согласно следующим правилам:

- 1. Кандидаты отбираются посредством открытого конкурса на замещение должностей.** Когда открывается вакантная должность, комиссия объявляет конкурс, сообщив даты проведения экзаменов и состав жюри, которое будет оценивать и подводить итоги экзаменов на замещение вакантных должностей. Кандидаты информируются о том, что данный конкурс направлен на замещение всех вакансий, которые могут возникнуть в ходе проведения конкурса и до момента вынесения реше-

ния на пленарном заседании, при условии, что эти вакансии находятся в рамках той же территориальной юрисдикции, а также открыты в суде того же уровня.

В ином случае по поручению пленарного заседания Совета магистратуры объявляется конкурс, проводимый до открытия вакантной должности или вакантных должностей.

Комиссия вправе организовать проведение множественного конкурса, если одновременно имеется несколько вакансий в судах одного уровня в рамках одной и той же территориальной юрисдикции. В этом случае списки формируются в количестве трех разных кандидатов на каждую вакантную должность.

2. Предварительно определяются критерии и порядок оценки результатов квалификационных экзаменов и личного дела кандидатов. При этом обеспечивается равенство и недопустимость дискриминации между лицами, имеющими соответствующую квалификацию в области профессиональной, академической или научной деятельности, и лицами, работающими в судебных органах.

3. Условия испытания должны быть равными для всех кандидатов. Письменный экзамен должен затрагивать темы, непосредственно связанные с обязанностями по замещаемой должности, и обеспечивать оценку как теоретических, так и практических знаний кандидата.

Рассмотрим **основные требования к кандидатам.** Чтобы стать кандидатом, требуется быть юристом и соответствовать другим требованиям, которые предъявляются к членам Совета магистратуры. Не могут быть кандидатами лица, занимавшие руководящую должность или состоявшие на государственной службе в период последней военно-гражданской диктатуры или которые не соблюдают этические нормы, что проявляется в неуважении к демократическим институтам и правам человека.

Список кандидатов должен быть опубликован для всеобщего сведения, с тем, чтобы сделать возможной подачу возражений в отношении их соответствия требованиям.

Предусмотрена следующая **процедура отбора кандидатов.** Совет по предло-

жению комиссии периодически составляет списки членов жюри по каждой специализации. Эти списки должны включать преподавателей по каждой специализации и по общему направлению юридической подготовки из национальных государственных университетов, назначенных на свои должности по конкурсу.

Во всех случаях в состав жюри входят четыре члена из списков указанных специалистов, составленных комиссией. Отбор должен проводиться открыто посредством механизмов, обеспечивающих прозрачность процедуры. Члены Совета магистратуры, его должностные лица и сотрудники не могут быть членами жюри.

Жюри принимает экзамен и выставляет оценки по конкурсу на замещение должностей. Оценки сообщаются комиссии, которая рассматривает личные дела кандидатов. Заседания комиссии проводятся по месту пребывания Совета магистратуры. Кандидаты могут представлять возражения по итогам конкурса в течение пяти дней. Комиссия дает ответ на данные возражения в течение двадцати рабочих дней.

На основе имеющихся материалов и после проведения собеседования с кандидатами комиссия определяет список из трех кандидатов для вынесения на рассмотрение пленарного заседания. Одновременно представляется список кандидатов, которые примут участие в личном собеседовании.

Собеседование и пленарное заседание являются открытыми. При их проведении оценивается квалификация, профессиональная пригодность кандидатов и их отношение к демократическим институтам.

Совет на пленарном заседании по своей инициативе может пересмотреть результаты экзамена, а также оценки персональных качеств кандидатов. Также он рассматривает поступившие возражения и вынесенные заключения.

Любые изменения в решениях комиссии должны быть надлежащим образом обоснованы.

Решение Совета на пленарном заседании принимается простым большинством голосов от общего числа членов Совета и обжалованию не подлежит.

Общая продолжительность процедуры не может превышать девяносто рабочих дней с момента проведения экзамена на замещение вакантной должности. Этот срок может быть однократно продлен еще на тридцать рабочих дней на основании мотивированного решения Совета, вынесенного на пленарном заседании, только при наличии возражений.

При отклонении Сенатом кандидатуры, предложенной органами исполнительной власти, автоматически объявляется новый конкурс на замещение данной вакантной должности.

Особое внимание уделено **реализации принципа гласности при отборе судей.**

Данное требование реализуется путем **размещения публикации** сроком на три дня в «Официальном правительственном вестнике», в трех газетах, выходящих общенациональным тиражом, и двух газетах, выходящих местным тиражом, — в зависимости от суда, к которому относится вакантная должность, — в четырех национальных аудиовизуальных средствах массовой информации и двух местных аудиовизуальных средствах массовой информации — в зависимости от суда, к которому относит-

ся вакантная должность, — в которой четко сообщается о том, что объявлен конкурс, указываются вакантные должности и все соответствующие данные, а также сведения о сайте, на котором можно ознакомиться с подробной информацией.

Также имеется **обязанность уведомления** коллегий адвокатов, национальных университетов и национальных ассоциаций судей и адвокатов о наличии вакантной должности и о ее виде. Совет должен постоянно обновлять информацию о конкурсе через свои уполномоченные органы и обеспечивать доступ к формам регистрации кандидатов на сайте, который Совет должен иметь для этой цели, для того чтобы все кандидаты из Аргентинской Республики были заблаговременно уведомлены и имели доступ к информации.

В заключение отметим, что опыт Аргентинской Республики ценен не только потенциальной возможностью заимствования тех или иных правовых аспектов применительно к формированию судейского корпуса в России, но и показателен с позиции общего представления о правовых реалиях функционирования судебной системы в Аргентине.

Литература

1. Беликова К.М. Правовые основы межсистемного взаимодействия органов судебной власти с другими направлениями правоохранительной деятельности: опыт Аргентины / К.М. Беликова, В.В. Гребенников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 140–146.
2. Перлинжейру Р. Современные вызовы, стоящие перед административной юстицией Латинской Америки / Р. Перлинжейру // Государство и право. 2018. № 8. С. 107–133.

Уважаемые авторы!

Обращаем ваше внимание на следующие пункты:

- Нельзя предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале.
- Соавторами статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.
- Если вы обнаружили существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, необходимо как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

Полномочия ФССП нуждаются в корректировке

Ендольцева Алла Васильевна,
профессор кафедры правовых основ управления
Московского государственного института
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний,
профессор кафедры уголовного процесса Московского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор
allaend2015@mail.ru

Ендольцева Юлия Владимировна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
sivellinn@gmail.com

Тутынин Игорь Борисович,
доцент кафедры уголовного процесса Московского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
tutig@rambler.ru

В статье анализируются предложения по корректировке полномочий Федеральной службы судебных приставов. Авторы не согласны с «приватизацией» исполнительного производства, с передачей ряда полномочий судебных приставов частным лицам, с наделением ФССП России полномочиями осуществлять оперативно-розыскную деятельность. Приводятся аргументы по поводу целесообразности передачи функции по исполнению судебных решений о наложении ареста на имущество подозреваемого и обвиняемого, а также временном отстранении его от должности органам принудительного исполнения.

Ключевые слова: Федеральная служба судебных приставов, исполнение судебных решений, полномочия органов принудительного исполнения, цифровые технологии.

Powers of the Federal Bailiff Service Need to Be Adjusted

Endoltseva Alla V.,
Leading Research Scientist of the National Research
Institute of the Penal System of the Russian Federation,
Professor of the Department of Criminal Procedure
of Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia,
LL.D., Professor

Endoltseva Yulia V.,
Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure
of Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia,
PhD (Law)

Tutyinin Igor B.,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
of Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia,
PhD (Law), Associate Professor

The article analyzes proposals for adjusting the powers of the Federal Bailiff Service. The authors do not agree with the «privatization» of enforcement proceedings, with the transfer of a number of powers of bailiffs to private individuals, with the empowerment of the FSSP of Russia to carry out operational-search activities. Arguments are given about the advisability of transferring the function of executing court decisions on the seizure of property and the temporary removal from office of the suspect and the accused to the enforcement authorities.

Keywords: Federal bailiff service, enforcement of court decisions, powers of enforcement bodies, digital technologies.

В жизнедеятельности общества и государства постоянно приходится исполнять те или иные решения органов государственной власти. Добровольное исполнение субъектами общественных отношений их решений является бесконфликтным, а потому и наиболее благоприятным вариантом развития событий. Но так бывает не всегда. Принятые решения могут существенным образом ограничивать права, свободы, интересы лиц и их объединений, поэтому логично предположить, что добровольное исполнение будет не во всех случаях. Для принудительного исполнения решений органов государственной власти существуют специальные правоохранительные органы, перечень которых достаточно представительен (органы предварительного расследования, органы, осуществляющие производство по делам об административных правонарушениях, органы охраны правопорядка и обеспечения безопасности и др.) Например, следователи и дознаватели исполняют решение суда о применении меры уголовно-процессуального принуждения — наложение ареста на имущество (ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)). В связи с административным правонарушением должностное лицо имеет право применить меры административного наказания и меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении (ст. 1.6 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ)).

Среди принудительно исполняющих правые решения особое место занимают те, уже в названии которых фигурирует их специализация — органы принудительного исполнения Российской Федерации. Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» определены

задачи таковых (ст. 6.5): организация и осуществление принудительного исполнения судебных актов, а также предусмотренных Федеральным законом от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» актов других органов и должностных лиц, а также иные задачи.

Решение названных задач осуществляется посредством представительного перечня полномочий, представленного в п. 6 Указа Президента Российской Федерации (далее — Президент РФ) от 13 октября 2004 г. № 1316 (с последующими изменениями и дополнениями) «Вопросы Федеральной службы судебных приставов». Заметим, совокупность полномочий данной федеральной службы постоянно подвергается изменениям. Одно из новых полномочий Федеральной службы судебных приставов (далее — ФССП) России введено в 2019 г.¹ Думается, что данная тенденция продолжится.

В настоящее время ведется работа в области унификации исполнительного права, разработан Глобальный кодекс принудительного исполнения, подготовленный Международным союзом судебных исполнителей, в котором нашли отражение основные принципы и стандарты принудительного исполнения судебных решений и иных юрисдикционных актов². В юридической литературе предлагается наделить приставов-исполнителей возможностью осуществления исполнительно-разыскной деятельности (аналог оперативно-розыскной деятельности)³.

¹ Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 218 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе судебных приставов, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов» // СПС «КонсультантПлюс».

² Парфенчикова А.А. Глобальный кодекс принудительного исполнения: обзор основных стандартов // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 1. С. 34–42.

³ Саркисова С.Н. Пути совершенствования исполнительно-разыскной деятельности в рамках

Рекомендуется совершенствовать различные формы взаимодействия судебных приставов-исполнителей с органами внутренних дел. Среди таковых указываются информационное взаимодействие, взаимодействие при совершении исполнительных действий и применении мер принудительного исполнения, взаимодействие при ограничении специальных прав должников, взаимодействие при осуществлении исполнительного розыска. Особенно актуально взаимодействие органов внутренних дел и судебных приставов при исполнении требований судебных актов о принудительной госпитализации больных заразной формой туберкулеза и иными заразными заболеваниями⁴.

Такое многообразие разнонаправленных предложений свидетельствует о нестатичном положении в рассматриваемой сфере деятельности. Разные жизненные ситуации, потребности в обеспечении прав и интересов личности, общества и государства, меняющаяся социально-экономическая ситуация и многое другое — предпосылки для корректировки полномочий ФССП.

Среди всех полномочий ФССП центральное место занимает осуществление исполнительного производства по принудительному исполнению судебных актов и актов других органов, применение мер принудительного исполнения и иных мер на основании соответствующего исполнительного документа (подп. 1 п. 6 Указа Президента РФ от 13.10.2004 № 1316). Так как в настоящее время в России меняется подход к исполнительному производству, возможно, изменится место в нем и судебных приставов-исполнителей. Помимо рекомендаций по созданию в России инструментов кооперации взыскателя и судебного пристава-исполнителя⁵, в теории предложено переход к частным судебным приста-

исполнительного производства в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 2. С. 56–60; Сорокин А.А. К вопросу о доктринальном определении понятия «исполнительный розыск» в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 103–107.

⁴ Ряховский К.Б. Грани взаимодействия судебных приставов и сотрудников органов внутренних дел // Вестник исполнительного производства. 2017. № 3. С. 27–34.

⁵ Кудрявцева А.В., Подгорный А.А. К вопросу о кооперации взыскателя и судебного пристава-

исполнителям⁶. Например, в некоторых странах бывшего СССР (Республика Казахстан, Республика Молдова и др.) уже существуют частные судебные исполнители⁷, но эта идея поддерживается не всеми отечественными авторами⁸. Другие, в целях устранения конфликта интересов, так как наличествует конкуренция форм реализации права на принудительное исполнение, считают целесообразным скорректировать контрольно-надзорные полномочия ФССП в отношении коллекторов, наладить правовые средства взаимодействия между данными представителями принудительного исполнения, а также делегировать им ряд полномочий⁹.

Надеемся, что предстоящие изменения полномочий ФССП будут соответствовать потребностям общества и государства, не приведут к нарушению уже сложившегося правового и организационного положения данного правоохранительного органа, не устроят правовую суть выполняемой ею деятельности. «Приватизация» исполнительного производства, передача полномочий, связанных с исполнением решений суда частным лицам, делегирование части нынешних полномочий ФССП коллекторам — это, по нашему мнению, значит перечеркнуть достижения, полученные на протяжении многих лет, «изменить», в прямом и переносном смысле, рассматриваемую деятельность как элемент правоохранительной. Те признаки правоохранительной деятельности, а именно ее осуществление с целью охраны права, возложение на специально

исполнителя: возможности и перспективы // Закон. 2017. № 7. С. 60–65.

⁶ Совершенствование законодательства об исполнительном производстве в Российской Федерации как необходимая составляющая эффективной судебной системы: куда двигаться дальше? [Интервью с Г.Д. Улетовой] // Современное право. 2016. № 11. С. 43–52.

⁷ Баймолина С.М., Ажчабаев Ш.К. Правовой статус судебных исполнителей в Республике Казахстан // Российский судья. 2016. № 9. С. 54–59.

⁸ Ильинская Е. Сравнительный анализ частной и государственной системы принудительного исполнения на примере Республики Молдова и Российской Федерации // Практика исполнительного производства. 2016. № 1. С. 30–51.

⁹ Мамаев А.А. Правовое положение взыскателя в исполнительном производстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020. С. 9.

уполномоченные государственные органы и некоторые негосударственные организации, реализация в установленном законом порядке с соблюдением определенных процедур, осуществление с помощью юридических мер воздействия и применение юридических мер воздействия в строгом соответствии закону¹⁰, уже не будут обязательными и первостепенными.

Законы предпринимательства выстроят новые правила организации и функционирования принудительного исполнения. Использование превосходства в имущественном состоянии либо обладание административным ресурсом поставят в неравное и несправедливое положение участников правоотношений. Будут безвозвратно потеряны правовые гарантии противодействия производству богатых, что не пройдет бесследно для уровня напряженности в обществе, для возникновения конфликтных ситуаций.

Политические, социальные, экономические и иные факторы определяют соотношение публичного и частного в праве. Например, исторические предпосылки, в том числе предшествующий и нынешний социально-политический строй, по К. Марксу, сформированное советской идеологией, религиозными канонами отношение к собственности, богатству («скорее верблюд пройдет сквозь игольное ушко, чем богатый войдет в Царство Божие») — убеждают нас в мысли, что вопросы обеспечения прав и интересов личности при принудительном исполнении решений органов власти должны быть гарантированы государством. Да, изменения в обществе и государстве происходят, вопросы возмещения, в том числе имущественного характера, все более значимы. Но эти изменения не столь глобальны, чтобы утверждать, что патернализм в нашем обществе закончился и делегирование большинством населения функции по защите своих прав государству прекращено.

Предложение наделить ФССП полномочием осуществлять оперативно-разыскную деятельность, вряд ли можно признать целе-

сообразным. Тот арсенал правовых средств, которым наделяет пристава-исполнителя глава 7 «Исполнительные действия. Меры принудительного исполнения» Федерального закона «Об исполнительном производстве», характеризуется достаточным представительством, учитывает специализацию данного правоохранительного ведомства, не позволяет смешивать функции (направления деятельности) правоохранительных органов, имеющих как общие, так и специальные задачи. Положительно оценивая положения Федерального закона «Об исполнительном производстве» о взаимодействии судебных приставов-исполнителей с органами внутренних дел (ст. 62), заметим, что разграничение полномочий, в том числе осуществлять ОРД и исполнительное производство, может принести положительный результат. Для этого целесообразно применять меры стимулирования за результаты успешного взаимодействия, согласовать систему совместной статистической отчетности, продолжить совершенствование надлежащего нормативного обеспечения.

Ранее мы указывали, что в действующем законодательстве в досудебном производстве исполнение решения суда о применении меры уголовно-процессуального принуждения — наложения ареста на имущество возлагается на следователя (дознавателя). Заметим, такое же решение, но в судебных стадиях исполняется судебными приставами. Считаем такое положение спорным. Исполнение решений, принятых судом на стадии предварительного расследования о наложении ареста на имущество и временном отстранении от должности следует полностью возложить на органы принудительного исполнения. Такое законодательное установление уменьшит предстоящую деятельность ФССП по исполнению приговора. Правильный первоначальный выбор количества подлежащего аресту имущества, верное установление его стоимости и способа сохранности, возможность проконтролировать выполнение вовлеченными лицами возложенных на них правоограничений — все это позволит сэкономить время и силы, повысить эффективность действия мер принуждения.

Предлагаемое изменение, на наш взгляд, более, чем нынешняя регламентация, учи-

¹⁰ Правоохранительные органы Российской Федерации (общий курс) : учебное наглядное пособие / [Е. Ю. Алонцева и др.]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 9.

тывает специализацию правоприменителя. Ведь исполнение судебного решения об указанных мерах процессуального принуждения требует знаний и умений по ряду отраслей права (гражданского, исполнительного, трудового и др.), по которым не каждый следователь и дознаватель, являясь специалистом в области уголовного и уголовно-процессуального права, имеет полное представление.

Подчеркнем еще одно важное обстоятельство. Достижения информационных и коммуникационных технологий вынуждают переустраивать государственную деятельность, в том числе и сферу исполнения судебных решений и, в частности, судебных решений по уголовному делу. Причинами тому будут: увеличение перечня объектов правоограничений, расширение круга лиц, вовлеченных в правоотношение, тенденция расширения правовых гарантий участников уголовного судопроизводства. Так, среди объектов правоограничений, на которые направлено принуждение для обеспечения исполнения приговора в части имущества взысканий по уголовному делу, все большее место занимают безналичные денежные средства, цифровые финансовые активы, отдельные виды информации, информационные объекты.

Развитие цифровых технологий приведет к тому, что реализация многих мер процессуального принуждения будет представлять собой техническое «выключение» электронным способом возможности изменить статус права собственности (владение, пользование и распоряжение имуществом), осуществлять профессиональную деятельность. Наличие такого поисково-блокирующего инструментария обусловит

необходимость обращения к новым участникам правоотношений — техническим специалистам, профессиональные навыки которых позволят использовать наиболее эффективные методики выполнения поставленных задач. Судебные приставы-исполнители, по нашему мнению, будут более успешно взаимодействовать с ними и иными лицами, поскольку спектр их деятельности не связан рамками только уголовного и уголовно-исполнительного производства, он значительно шире.

Помимо упрощения и специализации, цифровые технологии могут привести к расширению правовых гарантий участников уголовного судопроизводства. Возможность (скорее всего, неизбежность) постоянного взаимодействия органов предварительного расследования, судебных органов и органов принудительного исполнения с внешней средой предопределяет новые перспективы доступа к правосудию заинтересованных участников уголовного процесса. Лица смогут напрямую инициировать применение мер уголовно-процессуального принуждения, влиять как на принятие процессуального решения, так и на последующий контроль за его исполнением. Поэтому целесообразно, чтобы судебное решение, связанное с применением мер государственного принуждения, исполнял сотрудник органа принудительного исполнения, а не сотрудник органа предварительного расследования, у которого основная функция — это осуществление уголовного преследования, и поэтому он не должен отвлекаться на выполнение смежных с этим направлений правоохранительной деятельности, для реализации которых созданы специализированные органы.

Литература

1. Баймолина С.М. Правовой статус судебных исполнителей в Республике Казахстан / С.М. Баймолина, Ш.К. Акчабаев // Российский судья. 2016. № 9. С. 54–59.
2. Ильинская Е. Сравнительный анализ частной и государственной системы принудительного исполнения на примере Республики Молдова и Российской Федерации / Е. Ильинская // Практика исполнительного производства. 2016. № 1. С. 30–51.
3. Кудрявцева А.В., Подгорный А.А. К вопросу о кооперации взыскателя и судебного пристава-исполнителя: возможности и перспективы / А.В. Кудрявцева, А.А. Подгорный // Закон. 2017. № 7. С. 60–65.
4. Мамаев А.А. Правовое положение взыскателя в исполнительном производстве: автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.А. Мамаев. Екатеринбург, 2020. 27 с.
5. Парфенчикова А.А. Глобальный кодекс принудительного исполнения: обзор основных стандартов / А.А. Парфенчикова // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 1. С. 34–42.

6. Правоохранительные органы Российской Федерации (общий курс) : учебное наглядное пособие / Е.Ю. Алонцева [и др.]. Москва : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. 300 с.
7. Ряховский К.Б. Грани взаимодействия судебных приставов и сотрудников органов внутренних дел / К.Б. Ряховский // Вестник исполнительного производства. 2017. № 3. С. 27–34.
8. Саркисова С.Н. Пути совершенствования исполнительно-разыскной деятельности в рамках исполнительного производства в Российской Федерации / С.Н. Саркисова // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 2. С. 56–60.
9. Совершенствование законодательства об исполнительном производстве в Российской Федерации как необходимая составляющая эффективной судебной системы: куда двигаться дальше? [Интервью с Г.Д. Улетовой] // Современное право. 2016. № 11. С. 43–52.
10. Сорокин А.А. К вопросу о доктринальном определении понятия «исполнительный розыск» в Российской Федерации / А.А. Сорокин // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 103–107.

**Издательская группа «Юрист»
продолжает подписку на комплект
«Библиотека юридического вуза»
на 2021 год**

Предлагаем оформить подписку на комплект «Библиотека юридического вуза».

В комплект входят следующие издания:

- Арбитражный и гражданский процесс
- Гражданское право
- Информационное право
- История государства и права
- Конституционное и муниципальное право
- Международное публичное и частное право
- Семейное и жилищное право
- Трудовое право в России и за рубежом
- Финансовое право
- Юридическое образование и наука
- Юрист

С условиями подписки рекомендуем ознакомиться на сайте ИГ «Юрист»: www.lawinfo.ru в разделе «Подписка».

Наш адрес:

115035, г. Москва, Космодамианская набережная, д. 26/55, стр. 7.

Телефон: 8(495) 617-18-88.

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Памятка авторам

1. Материалы представляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или более поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст — через 1,5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски постраничные, обозначенные арабскими цифрами, оформленные в соответствии с действующим ГОСТом). Объем материала не должен превышать 10 страниц. Опубликованные ранее или предложенные в несколько журналов материалы к рассмотрению не принимаются.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.

3. Автор, имеющий намерение опубликовать Произведение в одном либо в нескольких Изданиях, направляет в Издательство оферту о заключении с Издательством безвозмездного договора об отчуждении исключительного права на Произведение. Форму оферты можно скачать на сайте издательства www.lawinfo.ru.

4. Статья должна содержать:

а) фамилию, имя и отчество полностью, должность, место работы (без сокращений), ученую степень, ученое звание на русском и английском языках;

б) название статьи с переводом на английский язык;

в) аннотацию на русском и английском языках (4–5 строк);

г) ключевые слова из текста статьи;

д) служебный адрес либо адрес электронной почты (эта информация будет опубликована в журнале);

е) контактный телефон (для редакции).

Кроме того, в конце статьи автор помещает пристатейный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи). Данные, предоставляемые в редакцию в соответствии с настоящим пунктом, будут размещены в РИНЦ.

Настоятельно рекомендуем авторам ознакомиться с опубликованными статьями по аналогичной тематике и привести не менее двух ссылок на журналы, входящие в состав объединенной редакции ИГ «Юрист».

5. Предоставляемые материалы должны быть актуальными, обладать новизной, содержать задачу и описывать результаты исследования, соответствовать действующему законодательству и иметь вывод.

6. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации.

7. При направлении статьи в редакцию для аспирантов и соискателей необходимо приложить рецензию научного руководителя или рекомендацию кафедры, заверенную печатью учреждения.

Материалы, не соответствующие указанным в настоящей памятке требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.

**При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов,
можно обращаться в редакцию
по телефону: (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru
Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7**